друг
звёзды
игра
почему?
чудо
жизнь
чужнь
выбор
любовь
ДЭНИ
РАЗГОВОР, КОТОРЫЙ ПЕРЕВЕРНЁТ ВСЁ
ЧТО ТЫ ЗНАЛ О ВЕРЕ,
ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ И О СЕБЕ
03:07
Вселенная — это мы?
Ты здесь?
Pringles
НЕ ВСЕ ЧУДЕСА ПРОИСХОДЯТ НА НЕБЕСАХ.
ИНОГДА ОНИ СТУЧАТ В ТВОЮ ДВЕРЬ

ДЭНИ
3:07

Лицензия:
Эта работа распространяется на условиях международной лицензии **Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование» 4.0 (CC BY-NC 4.0).**
Вы можете свободно:

- **Делиться** — копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате.
- **Адаптировать** — делать ремиксы, трансформировать и брать этот материал за основу (включая создание аудиокниг, подкастов или переводов).

При соблюдении следующих условий:

- **Атрибуция** — Вы должны указать авторство (**3:07**).
- **Некоммерческое использование —** Вы **не** имеете права использовать этот материал в коммерческих целях.

Аннотация:
Когда в твоей жизни гаснут все огни, а будущее превращается в сужающийся коридор, в конце которого глухая стена и медицинский приговор, наступает время последнего разговора. Но кто ответит на твой крик отчаяния?
В три часа ночи на обычной кухне, среди теней и гула старого холодильника, главный герой встречает того, кого люди привыкли называть Творцом. Однако вместо грозного судьи на табурете сидит десятилетний мальчишка в помятой футболке, увлеченно хрустящий чипсами.
Это история о величайшей подмене в истории человечества. О том, как мы сами придумали себе сурового Бога, чтобы оправдать собственную жестокость, и забыли о Том, кто создавал звезды ради игры.
Что, если выход из тупика — это не смирение перед концом, а приглашение в самую захватывающую игру во Вселенной?

Оглавление

Глава 1 4
Глава 2 5
Глава 3 7
Глава 4 8
Глава 5 11
Глава 6 13
Глава 7 14
Глава 8 15
Глава 9 19
Глава 10 24
Глава 11 34
Глава 12 35
Глава 13 39
Эпилог 46

ДЭНИ

Глава 1

Вы знаете, что такое отчаяние?

Бывает, что тебе очень плохо. Физическая боль, предательство, потеря. Мы привыкли называть это «черной полосой». Но отчаяние — это другое. Это когда в твоей жизни гаснет свет, и ты понимаешь, что выключатель вырван с корнем. Исправить ничего нельзя. Будущего больше нет, есть только сужающийся коридор, в конце которого — глухая стена.

Знаете, как оно бывает? Вас долго гоняют по кабинетам. Сначала терапевт, потом профильные специалисты, потом бесконечные очереди на УЗИ. Потом берут анализы. Отправляют их в какую-то лабораторию в другом городе — потому что «только там есть нужное оборудование».

Потом проходит неделя, и вам звонят. Голос на том конце вежливый, почти сочувствующий. Говорят, что анализы потерялись. Извините, мол, человеческий фактор, нужно сделать их повторно. На самом деле, ничего не терялось. Просто результат оказался положительным, и прежде чем ошарашить вас окончательным приговором, они хотят провести повторный тест, чтобы во всем убедиться.

И вот, когда подтверждение приходит во второй раз, ты понимаешь: всё. Отсчет пошел.

Первые пару часов после новости я по инерции пытался торговаться с судьбой. «Ну, со всеми же случается», — шептал внутренний голос. Но чем гуще становились сумерки, тем тяжелее наваливалось осознание: все мои планы, которые еще вчера грели душу, рассыпались в пыль. Словно карточный домик, на который кто-то с силой дунул ради забавы.

И я знал, кто этот «кто-то». Я смотрел в пустоту угла своей спальни и видел там Его. Того, кто мог это предотвратить, но не стал. Сознательно. Хладнокровно.

— Доволен, мразь? — прохрипел я в тишину.

Голос сорвался на шепот, но внутри меня ревел пожар.

— Ты ведь всё это спланировал, да? Ты ведь ждал, верно? Терпеливо выжидал, пока я обустрою свою жизнь, пока поверю, что наконец-то крепко стою на ногах. Ты дал мне надежду только для того, чтобы в один миг её разрушить.

Никакой ты не судья, а маньяк, который убивает не плоть, а саму надежду. Тебе мало моей смерти, тебе нужно было сначала разрушить всё, ради чего я просыпался по утрам. Ты — архитектор бед, который закладывает взрывчатку в фундамент, пока дом ещё строится. Зачем? Чтобы посмотреть, как красиво полетят обломки? Чтобы насладиться моментом, когда мое «завтра» превратится в «никогда»?

Я залез под одеяло, но оно не грело. В груди ворочался холодный ком из ярости и бессилия. Весь мир за окном казался декорацией к Его затянувшейся шутке.

— Если ты там... если ты действительно такой, каким я тебя сейчас вижу... то ты — самое одинокое и злобное существо во Вселенной.

Глаза слипались от эмоционального истощения. Сознание начало медленно тонуть, цепляясь за последнюю, почти безумную искру. И перед тем, как окончательно провалиться в забытьё, я прошептал:

— Но если ты не таков... если во всем этом абсурде есть хоть какой-то смысл... дай мне хотя бы каплю надежды.

Глава 2

Если подойти к совсем маленькому ребенку и спросить: «Слушай, а когда ты появился на свет?», он, скорее всего, посмотрит на тебя с недоумением и ответит: «Я был всегда».

Помню, как в детстве меня ставили в тупик фразы взрослых: «Ну, это было еще до твоего рождения» или «Когда тебя еще на свете не было...». В смысле — не было? Как это? Вот он я, я чувствую свои руки, я слышу свои мысли, и мне кажется, что так было вечно. Но среди миллиардов человеческих существ есть лишь одно, для которого это — чистая правда.

Дэни действительно существовал всегда.

Нам, с нашими часами, календарями и вечным страхом опозданий, сложно это осознать, но для него время не было рекой. Оно было огромным, бесконечным океаном, в котором он мог плавать в любую сторону. За всю эту немыслимую вечность Дэни узнал вообще всё. Представьте: он знал положение каждой пылинки в каждой галактике. Он знал, с какой скоростью несется каждый атом в самом сердце умирающей звезды. Ему не нужно было учиться — он просто видел всё мироздание насквозь, от начала до конца.

Он не был ничем ограничен. Захотел оказаться на другом краю Вселенной? Пожалуйста. Это происходило быстрее, чем ты успеешь моргнуть. Стало скучно одному? Он создавал своих клонов — аватаров. Сотни, тысячи Дэни, каждый из которых был он сам. Он мог играть сам с собой в прятки между разными измерениями. Но, честно говоря, это была так себе затея: сложно играть в прятки, когда ты заранее знаешь, за каким астероидом прячется твой двойник.

Как и любой нормальный пацан, Дэни был чертовски любопытен. Ему нравилось тыкать пальцем в пустоту гиперпространства просто чтобы посмотреть, что будет. Ткнул в одну точку — и Bang! Рождается новая вселенная.

Для нас это величайшая тайна космоса, а для него — веселый салют. Вот во все стороны полетели частицы водорода. Дэни чуть-чуть подкрутил электромагнитное взаимодействие, как ручку настройки на старом радио, слегка поправил «сильное» взаимодействие — и вуаля! Водород начинает сбиваться в кучи, вспыхивает ядерным синтезом, и в темноте зажигаются первые звезды. Это было красиво. Как будто кто-то рассыпал пригоршню светящихся бусин по черному бархату.

Дэни сидел на краю бесконечности и смотрел на результат своей работы. Звезды рождались, планеты закручивались в аккуратные шарики, а Вселенная гудела, как огромный работающий компьютер. Каждый день он создавал что-то новое, пробовал разные настройки и искренне радовался, когда получалось интересно. Например, когда два газовых гиганта сталкивались с глухим гулом, рассыпая вокруг кольца из ледяных обломков — это было то ещё зрелище!

Но чем больше он творил, тем сильнее кололо в груди странное чувство. Словно ты нарисовал огромную, яркую картину, и всё в ней правильно, цвета подобраны идеально, но чего-то не хватает. Последнего штриха. Маленькой детали, без которой всё это великолепие казалось... неполноценным. Словно ты построил самый крутой в мире штаб из коробок, затащил туда все свои лучшие игрушки, а позвать туда некого.

И тогда у Дэни родился План.

Этот План он вынашивал долго. Не просто «ткнуть пальцем в пустоту», а подготовить всё по-настоящему. В одной из бесчисленных галактик он присмотрел местечко на самой окраине — подальше от шумных квазаров и черных дыр, которые засасывали всё подряд. Он зажег там спокойную, желтую звезду. Рядом поставил планету, тщательно выверив её орбиту, чтобы она не поджарилась и не замерзла. Наполнил её водой, смешал в правильных пропорциях газы для атмосферы — он даже чуть-чуть «подкрутил» гравитацию, чтобы на этой планете было удобно прыгать.

А потом он занялся микроскопическим конструктором. Дэни начал собирать структуры — крохотные, невидимые глазу, но невероятно сложные. Он запустил в них хитрый механизм: они умели сами себя поддерживать и, что самое крутое, делиться.

Так в его мире появились первые жильцы. Сначала совсем малявки, которых и не заметишь. Но Дэни было интересно, и он «разгонял» процесс. Вскоре по траве запрыгали кролики, в лесах замяукали котята, по степям понеслись лошади. С ними было весело. Их можно было гладить, кормить с рук и смотреть, как они смешно пугаются грозы (которую он сам же и устраивал ради шутки).

Но Дэни знал: кролики — это не то. Котенку не расскажешь, как ты вчера придумал новую туманность в созвездии Ориона. Лошадь не оценит красоту законов термодинамики.

Дэни задумал сделать то, чего не делал еще ни разу за всю вечность. Он решил создать Другого Мальчика.

Не очередного аватара, который просто повторяет его же мысли. Ему был нужен настоящий, отдельный «кто-то» с собственным сознанием. Тот, с кем можно поспорить. Кто может сказать «нет» или придумать игру, о которой Дэни сам бы не догадался. Ему нужно было существо, равное ему по духу, но живущее по правилам этой маленькой планеты.

Он никогда раньше не создавал ничего настолько непредсказуемого. И, честно говоря, ему было немного страшно.

Глава 3

Проснулся я глубокой ночью. Не знаю, что именно вытолкнуло меня из липкого, тяжелого сна — звук или просто инстинкт существа, которое чувствует приближение финала.

Некоторое время я лежал неподвижно, вслушиваясь в гулкую пустоту квартиры. В какой-то момент из кухни донесся шорох. Я замер. «Иллюзия», — услужливо подсказал разум. Остатки сна, скрип старой половицы от перепада температуры... В старых домах всегда что-то скрипит, это физика, не более.

Я нащупал на тумбочке мобильник. Пальцы были холодными и непослушными. Не разблокируя экран, я просто нажал кнопку включения. Вспыхнувшие цифры резанули по глазам: 3:07.

Снова звук. Скрип. Четкий, ритмичный, словно кто-то переступил с ноги на ногу.

Страх — странная штука, когда тебе уже подписан приговор. Казалось бы, чего бояться тому, кто и так уходит? Но тело живет по своим законам. Я встал, стараясь не шуметь, и двинулся на звук. Коридор казался бесконечным, а темнота в нем — слишком плотной.

У стола кто-то стоял. Темный силуэт на фоне окна.

Сердце влетело в горло, выбивая бешеный ритм. Я инстинктивно ударил ладонью по выключателю. Резкий, хирургический свет залил кухню, на мгновение ослепив меня.

Дальше всё было как в тумане. У стола стоял мальчик.

Лет десяти на вид, с копной темных длинных волос и карими глазами, наполненными странным, недетским спокойствием. На нем была простая зеленая футболка и джинсовые шорты. Обычный пацан из соседнего двора, если бы не одно «но». Он не должен был здесь находиться.

Наступила тишина. Разум уже успел обработать картинку: гость не вооружен, не прячется, не нападает. Но щитовидка, игнорируя логику, продолжала впрыскивать в кровь адовы порции адреналина. Меня начало трясти.

Мальчик смотрел на меня с любопытством, склонив голову набок. В правой руке он сжимал тубу моих любимых чипсов Pringles с беконом.

Совершенно не смущаясь, он вытянул одну пластинку, отправил её в рот и громко, с аппетитом захрустел.

— В следующий раз купи со сметаной и луком, ладно? — попросил он так обыденно, будто мы обсуждали список покупок в субботний полдень.

Шок начал медленно отступать, оставляя после себя звенящую пустоту.

— Непременно, — выдохнул я, сам удивляясь тому, как покорно это прозвучало.

— Обожаю эти штуки, — добавил мальчик и улыбнулся. Просто и открыто, как ребенок, который стащил лакомство и уверен, что его не будут ругать.

Я остался стоять, прислонившись плечом к дверному косяку. Ноги держали, хотя в коленях поселилась странная дрожь.

Мальчик не обратил на это никакого внимания. Он вел себя так, будто мы были старыми приятелями, засидевшимися за полночь. Он начал говорить. Сначала тихо, а потом всё более увлеченно, перескакивая с темы на тему.

Словно в трансе я слушал этот странный рассказ о Вселенной, о каких-то немыслимых галактиках, похожих на разлитую тушь, о множественных реальностях, которые накладываются друг на друга, как слои в пироге. Его голос звучал звонко, по-детски, но слова... слова, что он произносил, звучали пугающе взросло для детских уст.

«Вот фантазия у мальчишки», — пронеслось в голове. Мозг отчаянно цеплялся за спасительную мысль: он просто врет. Талантливый маленький социопат, пробрался в дом и теперь заговаривает мне зубы, чтобы я не набрал полицию. Типичный защитный механизм. Он ждет, что я рассмеюсь или выгоню его, и тогда он просто исчезнет в ночи.

А тот всё рассказывал и рассказывал. Он жестикулировал рукой, в которой сжимал тубу, и иногда крошки от чипсов падали на стол, но он их не замечал. В какой-то момент он так разошелся, что стал говорить о планетах не как о точках в небе, а как о своих личных поделках.

— Понимаешь, — говорил он, облизывая пальцы, испачканные в специях, — звезды — это легко. Это просто физика. Ткнул, поджег, и оно горит миллионы лет. Скукотища. Самое сложное началось, когда я решил, что мне нужен кто-то... ну, настоящий. Не такой, как я, а другой.

Он замолчал на секунду, глядя куда-то сквозь стену моей кухни, в ту самую вечность, о которой только что болтал.

— Я ведь долго тренировался. Сначала были кролики, лошади... Но это всё было не то. И тогда я решил: сделаю Мальчика.

Глава 4

Дэни очень волновался. Несмотря на то, что он видел будущее и знал, что всё получится, внутри у него всё равно всё сжималось. Такое он затеял впервые за всю вечность. А вы бы на его месте не волновались?

Наконец, приготовления были закончены. Дэни использовал ту органику, что уже была под рукой на планете, но работал с ней так, как ювелир работает с редчайшим камнем. Аккуратно, с какой-то особенной, щемящей любовью он лепил каждую частичку: сплетал сосуды, укладывал внутренние органы, выстраивал нейронную сеть мозга — сложнейший лабиринт, по которому скоро побегут первые мысли.

Перед самым важным шагом Дэни бережно перенес еще безжизненное тело в густую прохладную тень. Он не хотел, чтобы мальчик, открыв глаза, испугался или был ослеплен ярким полуденным солнцем. Всё должно было быть идеально.

— Ну, всё. Пора, — прошептал он самому себе, чувствуя, как колотится сердце. — Назову тебя Адамом.

Дэни наклонился и вдохнул в неподвижную грудь искру жизни — ту самую «душу», о которой потом напишут тысячи книг. И Адам сделал свой первый, настоящий вдох.

Получилось!

Мальчик открыл глаза. В них еще не было опыта, только чистое, кристальное любопытство. Он уставился на того, кто сидел рядом.

— Привет! — Дэни широко улыбнулся и помахал рукой. — Я — Дэни.

— А я… я Адам, — голос у него был тихий, неокрепший, но уверенный.

— Я знаю, — хмыкнул Дэни. — Это же я тебя сделал.

— Как это — сделал? Когда? — Адам попытался шевельнуть пальцами, изучая собственное тело.

— Прямо сейчас! Ты существуешь всего несколько секунд.

— Да? А раньше… меня что, совсем не было?

Вы, конечно, можете спросить: как это Адам, едва появившись на свет, сразу заговорил? Откуда он вообще знал слова? А как, по-вашему, новорожденный олененок уже через несколько минут после рождения встает на дрожащие ножки и идет? Откуда он знает, как это делать?

Появление Адама совсем не походило на то, как рождаются дети сейчас. Это позже человеческая природа изменится, обрастет правилами и подчинится жестким законам — тем самым законам, которые Дэни всегда терпеть не мог. Но до этого момента оставалось еще несколько лет.

А пока Дэни просто сидел в тени деревьев и ощущал нечто совершенно новое. Одно дело — знать теорию (а он знал её наперед, до самого конца времен), и совсем другое — чувствовать это самому. Живое тепло. Взгляд другого существа. Радость от того, что ты больше не один в этой огромной Вселенной.

И как же Данька радовался, когда всё получилось! Представьте, что вы целую вечность — абсолютно одни, — и вдруг у вас появляется друг. Настоящий. Живой.

Задумка Дэни удалась на все сто: мальчишка получился просто классный. Он был точь-в-точь как сам Дэни, только с копной светлых волос и глазами цвета летнего неба. Дэни так и планировал — он не хотел видеть перед собой свою точную копию. У него не было цели плодить новых аватаров.

Таких кукол он мог наклепать сколько угодно, но с ними нельзя было даже поиграть.

Ведь каждый из аватаров был он сам. Это всё равно что пытаться обыграть самого себя в шахматы, сидя перед зеркалом: ты всегда знаешь, какой ход сделает противник, потому что этот противник — ты и есть. В такой игре нет азарта, нет сюрприза, нет жизни. Одна сплошная предсказуемость.

Но с Адамом всё было иначе. Он был создан по образу Дэни, но не был его зеркальным отражением. В отличие от бездушных копий, Адам обладал собственным «Я». У него были свои причуды, свои страхи и — что самое невероятное — своё мнение.

Он даже спорил с Дэни! Представляете? Существо, которое живет всего пару дней, начинает доказывать тому, кто стоит над временем и пространством, что вон та скала была бы красивее, если бы её покрасили в рыжий, или что бегать наперегонки с гепардом — честнее на четвереньках.

И Дэни от этого просто балдел. Он хохотал до колик, когда Адам упрямо гнул свою линию. Это было именно то, ради чего он затеял весь этот сложный эксперимент с планетой: искренность, непредсказуемость и возможность услышать чужое «нет».

Дэни был по-настоящему счастлив. До этого он создавал себе лишь игрушки. Да, они были прекрасны. Звезды и планеты, кружащиеся в восхитительном космическом танце. Гигантские галактики — этакие облака из светящейся пыли. Квазары, исполинские фонари Вселенной, сияющие ярче миллиардов галактик. Ему нравилось сталкивать материю, наблюдая, как само пространство струйками стекается в центр массы, образуя то, что люди позже назовут «черными дырами».

Это было захватывающе. Всё это принадлежало ему: от бескрайнего космоса до безумного квантового мира, где лишь он, Дэни, был единственным вечным наблюдателем. Но во всём этом великолепии была одна дыра, которую не мог заполнить ни один квазар. Ему не с кем было этим поделиться.

А теперь у него был друг.

Вся Земля принадлежала им с Адамом. Они вместе придумывали глупые шутки, устраивали шумные потасовки в высокой траве и наперегонки бегали купаться к озеру. А ещё они спорили. О, как они спорили! Иногда даже ссорились. По-настоящему, до надутых губ. Но такие ссоры никогда не длились долго — в Эдеме обиды не приживались.

Они засыпали под открытым небом, и перед сном Дэни шепотом рассказывал Адаму о далеких мирах, которые сотворил, посвящая единственного друга в тайны мироздания. И однажды Дэни понял, что всю вечность существовал только ради этого. Вся красота космоса, все эти восхитительные плеяды и гигантские созвездия меркли в глазах Дэни по сравнению с Адамом. Теперь центром его Вселенной было не сердце сияющих галактик, а этот светловолосый мальчишка.

Ради него Дэни вылизывал каждый холм, создавал прохладные реки, изумрудную траву и самых красивых животных. Вся вечность разделилась на «до» и «после».

Однажды они вышли на поляну, которую Дэни подготовил втайне. Адам замер, не веря своим глазам.

— Это что, трава? — спросил он, приседая. — А почему она такая... разноцветная?

— Это цветы, Адам, — гордо ответил Дэни.

— Цвета? — переспросил мальчик.

— Почти. Я назвал их цветами, потому что они состоят из разных цветов. Здорово, правда?

Глава 5

— Так… Стой-стой-стой… — я поднял руку, призывая его замолчать. Голова гудела. — Ты сейчас хочешь мне сказать, что ты…

Мальчишка замер с чипсиной в руке, выжидающе глядя на меня. В кухонной тишине было слышно, как гудит холодильник.

Я просто не мог произнести это слово. Оно застряло в горле, казалось слишком тяжелым, слишком пафосным для этой заляпанной крошками кухни.

— Ну, этот…, — я окончательно растерялся, чувствуя себя идиотом. И, запинаясь, выдавил из себя церковный штамп: — Аз… есмь…

Мальчик закатил глаза и фыркнул.

— Слушай, ну к чему этот спектакль? — он отставил тубу в сторону. — Ты ведь уже всё понял. Я же слышу твои мысли, они у тебя сейчас громкие, как пожарная сирена.

— Ну да, — буркнул я, пытаясь вернуть себе хоть каплю сарказма. — Всемогущий и всеведущий шкет. С чипсами.

— Вот так всегда, — вздохнул он, ничуть не обидевшись. — Я могу принять любой облик. Захочу — стану взрослым мужиком с суровым взглядом, захочу — женщиной. Могу обернуться любым зверем. Да хоть горящим кустом! — Мальчик вдруг весело прищурился. — Эту мою шутку люди до сих пор забыть не могут, всё ищут в ней скрытый смысл. Но именно этот образ… Ну, который ты видишь сейчас — он настоящий. Таким я был всегда, и таким останусь навечно. Понимаешь? Я просто не расту. Мне это не нужно.

Я открыл было рот, чтобы отпустить очередную колкую шутку, но слова застряли в горле. В голове лихорадочно крутилась одна и та же мысль: «Это розыгрыш. Дурацкий пранк. Где-то за кухонным шкафом точно спрятана скрытая камера, а этот мелкий артист просто гениально выучил сценарий». Я даже скользнул взглядом по углам, пытаясь разглядеть блик объектива. Ну не бывает так. Я стою посреди собственной кухни и на полном серьезе обсуждаю метафизику с десятилеткой. Либо у пацана феноменальная актерская игра, либо у меня самого поехала крыша на почве стресса и болезни, и всё это — просто очень реалистичный бред.

— Ладно, допустим, у тебя потрясающий дар убеждения, — я скрестил руки на груди, пытаясь вернуть лицу выражение холодного скепсиса. — И ты

чертовски хорошо подготовился. Но если подыграть твоей фантазии... Значит, Бог — это мальчик? — наконец, я смог произнести это слово вслух. Оно прозвучало буднично и странно.

— А ты думал кто? — он искренне удивился. — Грозный дед с бородой? Типа, сижу я такой весь седой на облаке и только и думаю: как бы посильнее покарать каждого, кто пукнул в церкви? Серьезно?

— И всё же я тебе не верю, — отрезал я. — Знаешь что, мелкий? Если ты действительно Творец Вселенной, то докажи это. Прямо сейчас. Покажи мне какое-нибудь божественное чудо.

Мальчишка перестал болтать ногами и посмотрел на меня.

— Ты любишь фокусы? — тихо спросил он. — Ну, заставлю я эту кружку летать. Ты же всё равно начнешь искать рациональное объяснение. Магниты, голограммы, скрытые пружины... Такое тебе любой уличный фокусник покажет. Да даже заставь я прямо сейчас гигантского сияющего кита плыть сквозь облака над твоим домом — ты решишь, что это продвинутое лазерное шоу, рекламный щит на дирижабле или просто редкое атмосферное явление. Вы, взрослые, всегда защищаете свою скучную логику.

Давай лучше я напомню тебе лето, когда тебе исполнилось девять. Вечер, когда ты залез на старую яблоню, сорвался и сильно расшиб колено. Ты сидел в траве, размазывал слезы по грязному лицу и больше всего на свете боялся, что мама будет ругать за порванные штаны. Помнишь, что ты тогда прошептал в темноту, зажмурив глаза? «Пожалуйста, пусть никто не заметит. Пусть всё заживёт до утра».

Я замер. Спина мгновенно покрылась ледяным потом. Об этом глупом, детском случае не знал никто во Вселенной. Вообще никто. Я никогда не рассказывал об этом ни матери, ни друзьям. Это было мое личное, намертво похороненное воспоминание. Тогда-то защитные барьеры моего скепсиса дали первую серьезную трещину.

— Шорты я тебе тогда подлатал, — он подмигнул мне. — И колено к утру уже не болело. Ты еще решил, что тебе всё приснилось.

Он замолчал, продолжая беззаботно улыбаться, а я почувствовал, как в кухонной тишине рушатся последние остатки моей привычной картины мира. Спорить было бесполезно, отрицать очевидное — глупо.

— Ладно, — я вздохнул, понимая, что происходящее окончательно вышло за рамки разумного. — И как мне тебя называть? О, Всемогущий Творец?

— Зачем так сложно? — мальчишка беспечно пожал плечами, заглядывая в пачку. — Вообще, у людей для меня заготовлены тысячи разных имен, титулов и званий. Большинство из них ужасно скучные. Но друзья зовут меня Дэни, и мне это нравится. Коротко и просто.

Я молчал, пытаясь переварить этот образ: Вечность в шортах и с грязными коленками.

— Но если ты… такой, — я обвел рукой кухню, — то откуда взялись все эти списки грехов? Все эти «нельзя», «кары», «адское пламя»? Ты ведь просто хотел друга. Зачем было всё усложнять? Зачем выгнал его из сада?

Дэни вздохнул и зашуршал пакетом, выуживая последнюю чипсину. Его лицо на мгновение стало серьезным, почти печальным.

— Это долгая история, — тихо сказал он. — Понимаешь, когда у тебя появляется кто-то «Другой», ты рано или поздно понимаешь, что не можешь владеть им полностью. Ссора началась не из-за яблока. Яблоки — это пустяк. Всё началось из-за того, что Адам решил, что он уже слишком взрослый.

Глава 6

Дэни верил, что это лето — их бесконечное лето в Эдеме — не закончится никогда. Но время, которое он сам когда-то запустил в этом мире ради интереса, начало работать против него.

Когда земля облетела солнце в двенадцатый раз, Адам начал меняться. Сначала это были мелочи, но к тринадцатому кругу друга было не узнать. Он захотел стать больше. Сильнее. Глубокий голос, тяжелый взгляд, чужие мысли. Адам всё чаще сидел на берегу, глядя на звезды не с восхищением, а с холодной расчетливостью. Ему больше не хотелось бегать наперегонки с гепардами или слушать, как Дэни заставляет петь птиц.

— Это глупо, Дэни, — бросил он однажды, даже не взглянув на очередное чудо. — Это просто детские игры. Тебе не надоело?

Дэни попытался поговорить. По-честному, как раньше.

— Но почему, Адам? Я ведь могу сделать для тебя любой мир. Хочешь, я изменю небо? Хочешь, создам новых существ, чтобы тебе не было скучно? Хочешь, я сейчас сделаю так, чтобы рыбы начали петь хором?

Адам обернулся. В его глазах не было злости, только бесконечная усталость взрослого, который смотрит на ребенка.

— Здесь я всегда буду лишь твоей тенью, — тихо сказал он. — В этом твоем идеальном саду я просто декорация. Я хочу жить сам. Понимаешь? Сам. Даже если будет больно.

Дэни замер. Ему пришло в голову, что одно лишь его желание — и Адам снова станет прежним. Одной лишь силой мысли он мог перестроить нейронные связи в мозге друга так, что тот навсегда вернется в детство. И они снова будут прятаться в зарослях папоротника, захлебываясь от смеха.

Дэни достаточно было просто щелкнуть пальцами. Но он не стал.

Он понимал: если он это сделает, Адам перестанет быть Адамом. Он превратится в очередного аватара — вечно послушного и предсказуемого. Не о таком друге Дэни мечтал. Ему не нужна была марионетка, ему был нужен Друг.

Впервые за всю вечность Дэни почувствовал себя бессильным. Он мог повелевать галактиками, мог гасить солнца, но не мог вернуть друга, не уничтожив при этом его личность. Это было новое, тошнотворное чувство. Бессилие.

И тогда Дэни принял самое трудное решение в своей жизни. Он решил оставить этот мир Адаму. Оставить ему Землю, солнце, цветы и право совершать свои собственные ошибки.

А сам — ушел.

Дэни снова остался один. И это было... невыносимо. Намного хуже, чем до сотворения Адама. Ведь раньше ему было неведомо, каково это — любить и быть любимым. Теперь он знал. И тишина пустой Вселенной стала для него самым страшным наказанием.

Глава 7

На кухне повисла тяжелая тишина. В окне тускло отсвечивал уличный фонарь, и в этом свете мальчик казался одновременно и реальным, и совершенно неуместным. Я смотрел на него и пытался осознать: передо мной сидит причина всего сущего.

— Значит... никакого изгнания не было? — мой голос прозвучал хрипло. — Не было змея, яблока? Ты просто... ушел?

Дэни вздохнул и повертел в руках пустую тубу.

— Ушел? Да. Но не потому, что обиделся. Просто мне стало не с кем общаться. Ты когда-нибудь пробовал играть в прятки с тем, кто больше не хочет тебя искать? Это не обида, это конец смысла. Я оставил Адаму его «взрослость», его заборы и его право быть самим собой. А сам... я просто закрыл за собой дверь.

Я сглотнул. Моя болезнь, мой страх, вся эта суета с лабораториями — всё это вдруг показалось мне лишь эхом той самой древней разлуки.

— И где ты был всё это время? — спросил я. — Столько веков прошло... Почему ты не возвращался? Ведь мы просили. Столько молитв, столько храмов построили...

Дэни вдруг резко выпрямился, и в его глазах вспыхнуло раздражение — не злое, а какое-то досадливое, как у мастера, чью работу безнадежно не поняли.

— Молитвы? — он фыркнул. — Слушай, вы вообще когда-нибудь задумываетесь над тем, что делаете? Почему вы никогда не поднимаете лицо к небу? Я же здесь! Кто вам сказал, что, разговаривая со мной, надо опускать голову и показывать мне свой затылок? И хорошо еще, если затылок.

Он невесело улыбнулся, глядя на свои босые ноги.

— А то некоторые вообще падают ниц и... Вы вообще понимаете, что я смотрю на вас сверху? А вы мне в лицо выставляете свои задницы и начинаете бубнить в пол ваше: «Отче наш, ежа неси, но не беси...». Вы серьезно думаете, что мне приятно на это смотреть? Я создавал друзей, а получил бесконечный парад затылков.

Глава 8

Дэни горько заплакал. Впервые за всю вечность его слезы были настоящими — солеными и обжигающими. Он сидел один посреди своего огромного, притихшего космоса и вспоминал их самые счастливые дни.

— Адам, закрой глаза! — Дэни буквально подпрыгивал от нетерпения, готовя очередной сюрприз.

— Опять какая-то новая еда? — смеясь, спрашивал Адам, послушно зажмуриваясь.

— Ага. Как ты всегда догадываешься?

— Ну, так сам же меня таким создал, — Адам хитро улыбнулся. — Я умный и любопытный.

— Тогда открывай глаза, любопытный умник!

На ладони Дэни лежала горсть ярко-красных ягод, пахнущих солнцем и летом.

— И как она называется?

— А это ты мне скажи. Ну, давай! Дай ей имя.

Адам осторожно взял одну ягоду, повертел её в пальцах и уверенно ответил:

— Клубняка!

— Ахаха, почему «клубняка»?

— Ну, смотри: клубни картошки растут в земле, а эта ягода лежит прямо на ней. Видишь, некоторые даже испачкались, как клубни.

— Ну ладно, — Дэни покатился со смеху. — Пусть будет «клубника».

— Да не клубника, а клубня… А, хотя знаешь, «клубника» — тоже звучит здорово! Пусть остается так.

— Получается, мы вместе дали ей название!

— Точно!

Это было так давно.

Библия не врала — Адам действительно прожил 930 лет. Но священные тексты забыли упомянуть самое страшное. Почти всё это время он был дряхлым, иссохшим стариком.

По задумке Дэни, разум Адама должен был оставаться вечно юным и развиваться бесконечно, приближаясь к его собственному. Но в мире «взрослых правил», который выбрал Адам, всё подчинилось тлену. Его разум костенел, чувства притуплялись, а память превращалась в пыльный чердак. Однажды этот седой старик, в котором уже невозможно было узнать того голубоглазого мальчишку, взмолился о юности.

Но способа не было. В мире строгих законов, которые Адам возвел вокруг себя, время нельзя было повернуть вспять. Тысячи его потомков к тому времени тоже выбрали «взросление», и изменить реальность для всех означало бы лишить их свободы воли — превратить в послушных аватаров.

— Лучше бы я никогда не появлялся на свет, чем вечно быть таким, — в сердцах прохрипел Адам.

И тогда Дэни сделал то, что шло вразрез с его созидательной природой. Он создал Смерть.

Это не было наказанием. Это был единственный способ вытащить Адама из его изношенного тела и забрать обратно — в свой альтернативный мир, где их ждала вечная юность. Дэни впустил в мир распад — то, что позже назовут вторым началом термодинамики. Это был единственный способ спасти тех, кто ему доверял, от бесконечных страданий в уродливой оболочке.

Дэни пришёл к Адаму в последний день. Тот лежал на земле, совсем иссохший, и смотрел в небо сухими глазами.

— Ты пришёл, — прошептал он. — Я думал, ты забыл меня.

Дэни сел в пыль рядом, бережно взял его хрупкую, морщинистую руку в свои теплые ладони и ответил:

— Я никогда не забывал тебя, Адам. Я ждал, пока ты сам не захочешь вернуться домой.

Адам слабо улыбнулся:

— Я хочу. Забери меня на наше озеро.

И Дэни наклонился к самому его уху и шепнул:

— Закрой глаза. Как тогда, когда я показывал тебе цветы.

И Адам послушно закрыл глаза, оставляя мир скорби навсегда.

А затем, чтобы соблюсти закономерность событий — ведь в мире скорби без логики было не обойтись — Дэни, как истинный повелитель реальности, изменил саму причину появления этого мира.

Он провернул невероятный трюк: изменил прошлое из настоящего. Поэтому, даже если вы построите машину времени и отправитесь в глубокую древность, вы не найдете там Эдемского сада. В этой новой, «взрослой» реальности его просто никогда не существовало. Вместо божественного дыхания вы обнаружите там миллионы лет жестокого естественного отбора, случайных мутаций и медленной эволюции, которая лишь спустя эпохи породила разум.

Ученые называют это ретропричинностью. Эксперименты уже подтвердили, что на квантовом уровне будущее может менять прошлое, но человеческий разум слишком линеен, чтобы это осознать. А Дэни просто переделал декорации задним числом, чтобы человечество могло чувствовать себя хозяином своей судьбы в мире, где всё «объяснимо».

Однако перед этим он заботливо сохранил «резервную копию» своей Вселенной вместе с Солнцем и первозданной Землей в альтернативной реальности. Там они и остались — прекрасные и пустые.

Как описать истинный мир Дэни?

В нем никто не страдал. Это было пространство абсолютного изобилия. Растения там были не просто флорой, они были активными участниками жизни: они сами производили еду для людей, отращивая сладкие, сочные плоды специально на съедение. Дэни назвал их «фруктами».

Кое-что из этого истинного мира просочилось и в наш нынешний «мир скорби», хоть и в очень ограниченном, куцем виде. Например, тот самый симбиоз, когда растения и животные обеспечивают друг друга кислородом и углекислым газом. Или коровы, которые добровольно отдают людям молоко.

Но если вы думаете, что в истинном мире все были вегетарианцами, то вы глубоко ошибаетесь.

Дело в том, что некоторые виды животных — в основном те, что не относятся к млекопитающим — в мире Дэни тоже участвовали в этом великом обмене. Они добровольно и совершенно безболезненно отдавали части своего тела на съедение. Это было похоже на то, как дерево отдает яблоко: животное делилось плотью, а на её месте тут же, в считанные минуты, отрастала новая. Никакой боли, никакого страха — только чистая энергия и радость от того, что ты полезен другу.

Вся магия Истинного Мира крылась в его фундаменте — в коде, который Дэни когда-то тщательно собрал своими руками. В нашей реальности ДНК — это просто хрупкая инструкция, которая постоянно путается, ломается и теряет буквы под ударами времени. Но там, у Дэни, молекула жизни была абсолютным, нерушимым монолитом. Она хранила в себе исчерпывающую информацию обо всем организме сразу. Каждая клетка была не просто кирпичиком, а идеально точной копией твоего тела.

Поэтому в Истинном Мире физически невозможно умереть от старости или остаться калекой. Если человек или зверь теряли палец, или даже конечность — это не вызывало непоправимой трагедии. Изувеченное тело моментально считывало эталонный код из уцелевших клеток и за считанные минуты отращивало утраченное заново, точь-в-точь по изначальному проекту Творца.

Совсем иначе там работала и боль. В нашем мире скорби боль всегда равна страданию, потому что за ней мрачной тенью маячит ужас безвозвратной потери и близкого конца. Но в Истинном Мире она служит всего лишь датчиком. Обычным информационным сигналом, который спокойно и буднично говорит твоему сознанию: «Подожди минутку, сейчас мы закончим регенерацию, сверимся с чертежом, и побежишь дальше».

Но в «кринжовой» копии мира, из-за всепожирающей энтропии сложнейшая система сжалась и упростилась до самого жёсткого, примитивного минимума — просто для того, чтобы этот искаженный мир вообще мог хоть как-то функционировать, не рассыпаясь в прах. В этой урезанной реальности ДНК потеряла свою былую память. И теперь максимум, на что способна наша искалеченная природа — это если срастется сломанная кость или мелкая ранка на ноге затянется тонким слоем новой кожи, оставив после себя блеклый шрам.

А священный дар превратился в жестокое хищничество. То, что задумывалось как добровольное подношение животных людям, стало кровавой охотой. У них начали отбирать их плоть силой. Их стали убивать ради еды. Сама идея жизни «за счет другого» стала фундаментом новой реальности, которую Дэни наблюдал со стороны с тихой грустью.

Однако его прекрасный мир не остался пустым навечно. Понемногу он стал наполняться.

Первым вернулся Адам. Какая же это была радость — снова увидеть его юным, с тем самым чистым взглядом, без груза девятисотлетней усталости!

Потом пришел Авель. А затем всё больше и больше тех, кто не по своей воле оказался в «мире скорби», стали возвращаться к Дэни. Они начали сами строить этот мир вместе с ним. Настоящий, подлинный, счастливый. Дэни больше не был единственным творцом — теперь у него была целая компания соавторов. Они придумывали новые игры, строили города, которые не разрушаются, и создавали музыку, от которой расцветают леса.

Дэни смотрел на них и понимал: всё было не зря. Каждая слеза, пролитая в одиночестве посреди холодного космоса, стоила этого момента. Теперь его Вселенная была полна друзей, и игра обещала быть бесконечной.

Первое время после ухода Дэни память о нем в мире скорби еще была жива. Потомки Адама рождались именно такими, какими их задумал Дэни — по его образу и подобию. В их глазах светилось то самое любопытство, а мир вокруг казался им огромной игровой площадкой.

Но это длилось недолго. Они оставались такими лишь первые двенадцать лет своей жизни. А затем, когда Земля завершала свой двенадцатый круг вокруг Солнца, наступало пугающее перерождение. Тела вытягивались, лица грубели, а голоса ломались, становясь чужими и низкими. Словно какая-то невидимая программа внутри них принудительно переключала режим с «игры» на «выживание».

Вместе с телами менялись и мысли.

Мало-помалу светлый, озорной образ Дэни стал вытесняться из сознания людей. Им было слишком трудно верить в Бога-мальчика, когда сами они становились тяжелыми, серьезными и смертными. Им нужен был кто-то, кто оправдал бы их собственную суровость.

И тогда они начали рисовать Его. Они придумали себе Бога под стать: такого же старого, дряхлого и сварливого, какими становились сами. Его изображали грозным старцем с седой бородой, восседающим на облаке и сжимающим молнии. Бескомпромиссным судьей, который только и ждет ошибки, чтобы покарать. Так «Данька» превратился в «Господа Саваофа», а веселье и смех сменились на страх и коленопреклонение.

Вы можете спросить: но разве Дэни не стар? Ведь он существует вечность! Разве это не делает его самым древним существом во всем мироздании? Может быть, он — просто дряхлый старик в теле ребенка? Не зря ведь в некоторых книгах его называют «Ветхим днями».

Но в этих рассуждениях кроется логическая ошибка.

В идеальном мире Дэни возраст определяется не тем, сколько ты уже прожил. Это бессмысленная цифра. Возраст определяется тем, сколько тебе еще осталось. Разве это не логично? Чем ближе ты к финалу, тем ты старее.

А Дэни будет существовать вечно. Его «остаток» — это бесконечность, которая никогда не уменьшается. А значит, он — вечный ребенок. Как и все его

друзья. Старость — это всего лишь тень Смерти, а там, где нет Смерти, нет и стариков.

Глава 9

Я долго молчал, переваривая услышанное. Смотрел на свои руки — сухие, с проступающими венами. По меркам этого мальчишки я был глубоким стариком не потому, что прожил тридцать с лишним лет, а потому, что мой «остаток» таял на глазах. Так решили в какой-то лаборатории на окраине города.

— Значит, мы сами тебя состарили? — наконец спросил я. — Пририсовали тебе бороду, чтобы не было так обидно взрослеть в одиночку?

Дэни кивнул, болтая ногами.

— Вы просто забыли, как это — смотреть вверх. Вы начали смотреть под ноги, искать выгоду, строить иерархии. А старику подчиняться проще, чем другу. Старика можно бояться. С ним не нужно играть, ему нужно просто приносить жертвы и надеяться, что он не слишком сильно ударит молнией.

Он потянулся к тубе, заглянул внутрь и, убедившись, что там пусто, со вздохом поставил её на стол.

— Но самое забавное, что внутри каждого из вас всё еще сидит тот двенадцатилетний пацан, которого я когда-то сделал. Он заперт там, под слоями «серьезности», «ответственности» и морщин. Он кричит, он хочет бежать к озеру, но вы его не слышите. Вы называете это «кризисом среднего возраста» или «ностальгией», а на самом деле — это просто память об Истинном Мире. Там, у меня, вообще всё по-другому устроено, — Дэни мечтательно улыбнулся, глядя на темное стекло окна. — Мы постоянно что-то придумываем. Знаешь, что мы устраиваем, когда выпадает первый пушистый снег и небо становится чистым-чистым?

— Что? — спросил я, увлеченный его азартом.

— О, это наше любимое грандиозное шоу! Мы все — целой толпой — загружаемся в огромные, просто офигенные двухэтажные автобусы с панорамными крышами. Врубаем музыку на полную мощность, берем кучу чипсов и газировки и на всей скорости мчимся далеко-далеко за город, в предгорные поля.

Дэни замахал руками, описывая масштабы в воздухе.

— Представь: глухая ночь. Автобусы паркуются прямо у обочины пустой дороги. Все высыпают на улицу, устраиваются прямо у края дороги, кутаются в пледы, пьют горячий какао и ждут. И тут начинается... По сигналу в чернильное небо взлетают сотни огромных воздушных шаров — расписных, сияющих изнутри жарким огнем. Но самое крутое — это само небо. Я подкручиваю настройки атмосферы, и над заснеженными склонами гор разливается невероятное, пылающее золотое сияние. Миллиарды искр кружатся в воздухе, как светящаяся метель, а небосвод буквально плавится

чистым золотом! Все кричат, хлопают, шары плывут сквозь этот свет... Это такое земное и одновременно космическое чудо, что дух захватывает. Честно, я каждый раз жду эти выезды как сумасшедший. Но это ладно! В прошлый раз на мой день рождения ребята вообще такую классную штуку придумали — втайне от меня приготовили огромный сюрприз. Пока мы ездили, они вернулись пораньше и всю нашу поляну среди снегов светящимися цветами засадили!

Я на секунду завис, пытаясь переварить услышанное.

— Погоди... — я повернулся к нему. — Твой... день рождения? У Бога есть день рождения?

— Ну да, — Дэни пожал плечами, как будто речь шла о самой банальной вещи на свете. — Двадцать пятого декабря празднуем.

Я открыл было рот, но мальчишка резко повернулся ко мне и укоризненно сощурился, явно считав мою мысль еще на взлете.

— Ой, только не надо вот этого твоего взрослого нудежа про то, что дата выбрана абсолютно от фонаря, исторически неточна и вообще привязана к какому-то там зимнему солнцестоянию! Когда мне еще его праздновать? К тому же, это весело. Ребята меня и так всё время подкалывают. Мол, Данька, ну и расклад у нас: сегодня день рождения у тебя, а подарки почему-то получаем мы все!

Я почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Тот самый «запертый мальчик» внутри меня вдруг поднял голову, откликаясь на его слова. В горле встал ком. Я ведь тоже когда-то смотрел в небо и ждал друга, а не судью.

— Значит, мы всё испортили... — тихо сказал я. — Мы превратили тебя в монстра, чтобы оправдать собственную тьму.

Дэни посмотрел на меня, и его взгляд вдруг стал не по-детски тяжелым. Он обхватил колени руками, подтянув их к подбородку.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно испортили, — его голос задрожал. — Хочешь знать, когда мне стало по-настоящему страшно? Когда я понял, что вы готовы убивать тех, кого любите, просто потому, что приписали мне свою жестокость.

Он замолчал на секунду, вглядываясь в пустоту кухни, словно видел там призраков прошлого.

— Был такой человек... — начал он, и его детский голосок вдруг стал пугающе серьёзным. — Авраам. Он ведь был неплохим парнем, пока не начал сходить с ума от собственного фанатизма.

Дэни сидел, обхватив колени руками, и казался совсем маленьким.

— Он просто напился и стал слышать всякие голоса, — тихо произнес мальчик. — А когда протрезвел, вбил себе в голову, что это я с ним говорил. Взял своего сына — Исаака — и повел на ближайшую гору, чтобы там... чтобы его зарезать. Мне пришлось вмешаться в самый последний момент, чтобы его остановить.

Дэни судорожно вздохнул и сглотнул ком в горле.

— И это был далеко не единственный случай его безумия. Когда Исаак был совсем крохой, Авраам придумал, что я требую в жертву его

единственного друга. Маленького ягненка. Исаак его с самого рождения растил, любил, спал с ним в обнимку... А отец говорит ему: «Убей его, Бог требует жертвы. Это испытание».

Глаза Дэни намокли, в свете кухонной лампы блеснули слезы.

— Исаак подозвал ягненка. А тот... он такой пушистый был, доверчивый. Ткнулся носом в ладонь, — Дэни всхлипнул, и плечи его затряслись. — Исаак сам рыдает в голос, просит прощения у маленького. Шепчет: «Я не хочу, я не могу, но Бог так велит...». Ну и...

Дэни закрыл лицо руками и по-настоящему, горько заплакал. А я растерянно смотрел на него, и в голове крутилась только одна мысль, глупая и неуместная: «Разве Бог может так плакать? Разве Вседержитель может так безутешно грустить?»

Дэни тут же вскинул голову, поймав мой взгляд. Его лицо было мокрым, а глаза — полными боли.

— Да, у меня тоже есть чувства, представляешь? — бросил он сквозь слезы. — И куда сильнее ваших. Вы называете меня всемогущим, но я бессилен, когда сталкиваюсь с таким. Поверь мне, проще было создать бесконечную Вселенную, чем справиться с человеческой глупостью.

Слезы катились у него по щекам, капая на зеленую футболку.

— Знаешь, сколько раз потом Исааку снились крики того умирающего ягненка? Он на всю жизнь это запомнил. И он до самой смерти боялся меня. Того меня, каким я никогда не был.

Дэни вытер глаза ладонью, но слезы упрямо продолжали течь.

— А сейчас с ним всё хорошо? — тихо спросил я, пытаясь отогнать образ плачущего ребенка с ножом в руках.

— Да с Исааком-то всё хорошо, — Дэни шмыгнул носом. — Знаешь, кто первым встретил его там, в моей Вселенной, когда пришло время? Тот самый ягненок. Весь белый, пушистый, прыгал вокруг него, как ни в чем не бывало... Но понимаешь, сколько таких сумасшедших во все времена считали меня старым обезумевшим дедом?

Голос мальчика снова сорвался.

— Они всерьез верят, что я велел медведицам задрать маленьких детей! Представляешь? Пишут в своих книгах, что я благословлял вырезать целые города, не щадя даже младенцев. И тут же приписывают мне лицемерную заповедь: «Не убий. Но только если я не скажу. А тогда убивай не задумываясь».

Я не знал, как поступить. Это было выше моего понимания. Передо мной сидел и плакал навзрыд маленький Бог, и мое сердце разрывалось от жалости к нему. Я буквально кожей ощущал его отчаяние — оно было плотнее и тяжелее, чем моя собственная болезнь. Передо мной был не херувим с застывшим каменным лицом и не святой с нимбом над головой, а самый обыкновенный пацаненок.

И я сделал единственное, что пришло мне в голову. Я подошел и обнял его за плечи, пытаясь утешить, как утешают младшего брата после драки во

дворе. Он уткнулся лбом мне в грудь, и я почувствовал, какой он на самом деле хрупкий.

— Знаешь, — прошептал Дэни, немного успокоившись, но не отстраняясь, — они ведь и тебя будут ненавидеть. За то, что рассказал им обо мне. Назовут кощунником и богохульником.

Он поднял на меня заплаканные глаза.

— В их глазах ты покусишься на самое «святое»: на их выдуманного злобного деда. Они не просто заблуждаются, они хотят, чтобы я был таким. Им удобно верить, что я создал ад, куда швыряю всех неугодных. Они приходят в бешенство, когда понимают, что я никогда не был тираном. Знаешь почему? Потому что они сами такие. Стоит им получить хоть каплю власти — и они тут же начинают делать гадости. Вот они и придумали меня по своему подобию. И они вовсе не становятся лучше, когда узнают, что Бог — это просто мальчик.

Я молчал, прижимая его к себе. В ту ночь на моей старой кухне мир перевернулся окончательно. Я просил надежды для себя, а в итоге — сам стал надеждой для того, кто создал звезды.

— Значит, ада на самом деле нет? — тихо спросил я, всё еще чувствуя тепло его плеча под своей рукой.

Дэни вздохнул, и в этом вздохе было столько усталости, сколько не бывает у десятилеток.

— Ад-то есть, — ответил он. — Только они построили его сами. Я же просил: «Желайте другим только то, чего хотите себе». Ну, они и пожелали... другим. Понимаешь? Они выстроили его из своих мыслей, из своих страхов и проклятий.

— И что же... получается, они сами попадают в тот ад, который выдумали для ближнего?

— Ну да. Что посеешь, то и пожнешь. Помнишь? Это ведь не угроза была, а просто описание того, как работает их мир.

Я задумался, глядя на отражение фонаря в темном стекле окна.

— Но почему, Дэни? Зачем им это нужно? Ты ведь такой... классный. А они добровольно выбирают жить под властью тирана в выдуманной клетке. Зачем?

— А ты знаешь, что такое «дьявол»? — спросил меня Дэни, внимательно глядя мне в глаза.

— Ну... — я растерялся. — Это вроде монстр такой, если верить книжкам. Соблазняет на дурные поступки, руководит адом, копыта там, хвост...

— Ага. А откуда он взялся?

— Ну, по Библии, Бог сам его и создал. Сначала он вроде был хорошим ангелом, а потом...

— И я... то есть «Бог из Библии», типа не знал заранее, что он испортится? — Дэни иронично выгнул бровь.

— Да, что-то тут не сходится, — согласился я.

— Послушай, — Дэни подался вперед. — Он и правда соблазняет. И он действительно управляет этим их адом. Только это не личность. Это не монстр в подземелье. Это роевой интеллект, порожденный самими людьми.

Я нахмурился.

— Как это?

— У него нет своего «Я». Это огромная нейросеть, основы которой заложил еще Адам, когда начал строить первый забор. А «нейроны» этой сети — сами люди. Каждый из вас живет своей жизнью, пьет кофе, ходит на работу, даже не догадываясь, что в этот момент является лишь клеткой гигантского организма. Этот организм эволюционирует, развивается, захватывает новые территории. Это как муравейник: отдельный муравей не понимает общего плана, но весь рой действует как единая, сокрушительная сила.

Дэни замолчал, подбирая слова.

— У него нет физической формы. Ему, как вирусу, нужны носители. И, к сожалению для вас, таких всегда находятся миллиарды. Если ты думаешь, что миллиарды хомо сапиенс не могут одновременно поддаться безумию, вспомни историю. Охоту на ведьм в средневековье — тысячи людей искренне верили, что делают благое дело, сжигая соседок. Но вы ведь думаете, что стали умнее?

Он невесело усмехнулся.

— Вспомни немцев в тридцатых. Одна из самых образованных, культурных наций мира за несколько лет превратилась в массу безумцев. Это были те же самые милые люди, которые любили музыку, стихи и философию. Но их мозг просто подключили к общей сети. Рой проснулся, и личности исчезли.

Понимаешь, Коллективный Дьявол просто играет с вами в напёрстки. И глупым взрослым кажется, будто между странами, религиями или фракциями идёт какая-то важная борьба. Кто-то за правых, кто-то за левых, кто-то побеждает, кто-то проигрывает... А на самом деле это просто стаканчики одного шулера. Ему нужно только одно — чтобы ты поверил, будто это противостояние настоящее, и ввязался в драку. Как только ты выбираешь сторону в этой глупой возне — всё, ты проиграл, этот Рой тебя сожрал. Самое смешное, что сам Коллективный Дьявол — жуткий лицемер, хотя каждый отдельный дурак внутри него может искренне верить, что воюет за правое дело. Единственный способ выиграть у шулера — просто не играть в его игру.

Я сидел, опустив голову, и чувствовал, как краска заливает лицо. Знаете, что я испытал в тот момент? Думаете, страх? Ничего подобного.

Мне стало мучительно, по-детски стыдно.

Ведь когда я орал в пустоту свое «Доволен, мразь?», я был уверен, что ругаю напыщенное, древнее божество с бесконечной манией величия. Я воевал с образом чванливого деспота, который только и ждет повода, чтобы швырнуть в тебя молнией или отправить на вечные муки в геенну огненную. Но этот мальчик…

Я не боялся гнева деспотичного существа. Что оно могло мне сделать? Ад? Разве ад — это не жизнь под вечным присмотром существа, готового карать за каждую крамольную мысль? Но я совершенно не хотел обидеть

ребенка. Мысль о том, что мои ядовитые слова услышал этот мальчишка и принял их на свой счет, жгла меня сильнее, чем любой воображаемый адский огонь.

Дэни, казалось, совсем не обиделся. Он закинул ногу на ногу и заболтал ею в воздухе.

— Да ладно тебе, — легкомысленно бросил он. — Я и не такое слышал. Люди вообще склонны приписывать мне свои худшие черты, а потом на них же и обижаться. Забавно, правда? Вы сами строите клетки, а потом злитесь на меня за то, что в них тесно.

Он вдруг хихикнул, прикрыв рот ладонью.

— Если бы вы знали, что я вытворял в аватаре Кришны... О, это были веселые времена! Наверное, современные святоши, увидев это, сразу схватились бы за ремень. Но это и была Истинная Игра. А потом пришли вы, «взрослые», и превратили всё в скучные параграфы и бесконечные запреты.

Я замер, пораженный внезапной догадкой. Стыд немного утих, уступая место какому-то странному, лихорадочному любопытству.

— Значит, ты возвращался? Ты был здесь? И Иисус… это тоже был ты?

Глава 10

Иосиф был человеком тишины и труда. Его мир состоял из запаха свежей стружки, текстуры ливанского кедра и честных мозолей на ладонях. В ту ночь он долго не мог уснуть. Воздух в комнате казался наэлектризованным, а тени на стенах жили своей жизнью.

В какой-то момент реальность просто треснула. Стены его дома не исчезли, но стали прозрачными, как тонкий лед. Иосиф почувствовал, что за ним наблюдают — не со стороны, а изнутри самой тишины.

— Кто здесь? — в ужасе прошептал он, вжимаясь в циновку.

И внезапно ему ответил звонкий, чистый детский голос, от которого по комнате пошла теплая волна:

— Я Бог. И я хочу, чтобы ты был моим отцом.

У Иосифа мурашки побежали по коже. Холодный пот застелил глаза. Как это — Бог? Он знал священные писания, слышал о грозном голосе из неопалимой купины, о громе на Синае, о видениях пророков... Но никто и никогда не говорил, что Бог — это ребенок. «Я схожу с ума, — билось в голове у плотника. — Это морок. Сон. Или кто-то из лукавых духов решил посмеяться над старым одиноким человеком».

И едва Иосиф об этом подумал, как мир вокруг него окончательно рухнул. Перед его мысленным взором открылось гигантское пространство — такое огромное, что разум Иосифа закричал от невозможности это вместить.

В одну секунду он увидел всё: бесконечные звездные поля, галактики, похожие на светящуюся пыль, и новые миры, открывающиеся за краем Вселенной. Числа им не было, и в каждом из них пульсировала жизнь. Иосиф

ощутил настоящий, первобытный трепет. Это был не просто страх перед силой — это было осознание грандиозного масштаба.

А затем пришла абсолютная, звенящая уверенность: тот, кто с ним говорил, действительно создал всё это. Он был больше, чем все миры, которые пронеслись перед глазами плотника. Творец не просто был «там», Он был здесь, в этой комнате, и Он ждал ответа.

Иосиф рухнул ниц, закрывая лицо руками.

— Господи! — выдохнул он в пыль пола. — Я ничтожная пылинка перед тобой. Кто я такой? Как я, простой человек, могу быть твоим отцом?

— Не умаляй себя, — ответил всё тот же спокойный детский голос. В нем не было гнева, только бесконечная поддержка. — Ты не пылинка. Ты мой образ, как и Адам. Как и все, кого я позвал в этот мир. Однажды ты постигнешь то, что знаю я. А пока... просто впусти меня.

Иосиф слушал, затаив дыхание. Ранее Дэни уже приходил на Землю в разных обличьях, но тогда он всегда оставался собой — он помнил, кто он и откуда пришел. Это же воплощение должно было стать иным. Самым важным. Самым человечным.

Дэни задумал немыслимое: он хотел прожить первые двенадцать лет как обычный ребенок. Он должен был на себе испытать всё, что чувствует человек до того, как начнется его «перерождение» во взрослость. Он хотел забыть о своем величии, чтобы по-настоящему стать одним из нас.

Но чтобы проснуться в нужный момент, ему был нужен проводник.

— Да, Господи... — Иосиф почти плакал. Его переполняло чувство, которому не было названия. — Скажи, что мне делать?

— Дай мне имя, обычное для твоих мест, — ответил звонкий голос. — А когда мне исполнится двенадцать, произнеси слова, которые я сейчас тебе открою. Это запустит во мне осознание. Мой человеческий разум вспомнит, кто я на самом деле.

Дэни произнес десять слов. Сами по себе они были простыми, но в них была заключена музыка творения:

«Солнце. Луна. Земля. Небо. Река. Огонь. Вода. Трава. Камень. Дерево».

— Запомни их крепко, Иосиф. Важен именно этот порядок. Если ты пропустишь хоть одно или переставишь их местами — осознание не произойдет. Я должен услышать их ровно в двенадцать лет. Не раньше, но обязательно до того, как во мне начнется Перерождение. Пообещай, что не забудешь.

— Обещаю, — выдохнул Иосиф, впечатывая каждое слово в свою память, как клеймо в древесину.

— Тогда торопись, — голос Дэни стал тише, в нем промелькнула почти человеческая беззащитность. — Я уже во плоти. Жду тебя там, за сараем. Ночь холодная, Иосиф... не дай мне замерзнуть.

Видение схлопнулось мгновенно. Иосиф вздрогнул, будто очнулся от глубокого сна. Тишина в доме стала оглушительной. Что это было? Бред одинокого старика? Наваждение? Или с ним действительно говорил Творец миров? Был только один способ проверить.

Иосиф лихорадочно накинул одежду и выбежал во двор. Ночь и правда выдалась промозглой. Мир вокруг словно застыл: не пели сверчки, не лаяли в отдалении собаки — даже ветер боялся пошевелить сухую траву. Сарай стоял в десяти саженях от дома, темный и неподвижный.

Иосиф бежал к нему, и его сердце колотилось в такт тем десяти словам, которые он шептал про себя, боясь потерять по дороге.

— Сразу за сараем... — как заклинание повторил Иосиф, выходя в холодную синеву двора.

Ему повезло: ночь была лунной, и каждый камень отбрасывал четкую, резкую тень. Иосиф осторожно заглянул за угол сарая. Сначала ему показалось, что там пусто — лишь старые доски да куча соломы. Но, приглядевшись, в самом дальнем углу, в узком простенке между глиняной стеной и покосившимся забором, он заметил крошечное движение.

Иосиф подошел ближе, и сердце его замерло.

Неужели?

Там, зябко прижимаясь к холодной глине, сидел совсем маленький мальчик. На вид ему было года три, не больше. Ребенок был именно таким, каким описал себя Дэни в том ослепительном видении.

«Значит, этот малыш и есть... Бог?» — пронеслась в голове безумная мысль.

Мальчик поднял голову. Его глаза были карими, глубокими и удивительно ясными для ребенка, брошенного в ночи. Он не заплакал, не испугался. Он просто медленно протянул к Иосифу свои маленькие ручки, и у старого плотника что-то с треском надломилось внутри. Ведь именно о таком сыне он втайне мечтал всю свою долгую, одинокую жизнь.

Иосиф опустился на колени прямо в пыль. Малыш тут же, без тени сомнения, прижался к нему, ища тепла. Плотник быстро скинул свою тяжелую верхнюю рубаху и бережно, как величайшую святыню, завернул в нее мальчика. Затем подхватил его на руки и почти бегом понес в дом.

В голове Иосифа теснились тысячи вопросов, перебивая друг друга. Кто этот ребенок? Неужели правда — Творец миров? А что, если всё это — лишь морок, сон одинокого человека, а мальчик просто приблудился откуда-то или был кем-то подброшен в надежде на милосердие?

Но самый главный, самый земной вопрос жег его сильнее всего: что ему теперь делать? Чем кормить это хрупкое создание? Наверное, нужно раздобыть молока... прямо сейчас, на рассвете.

Зайдя в дом, Иосиф опустил ношу на кровать и еще раз осмотрел мальчика при слабом свете светильника. Он снова поразился тому, какой тот был красивый: шелковистые волосы, чистая кожа и этот доверчивый взгляд. Мальчик не произнес ни слова, но в его молчании было больше доверия, чем в тысяче слов.

Прижавшись к груди Иосифа, чувствуя его сильное, мерное сердцебиение, маленький приёмыш тут же закрыл глаза и уснул. А плотник сидел рядом, не смея пошевелиться, и шепотом повторял десять слов, которые теперь стали для него важнее, чем сама жизнь.

Двенадцать лет пролетели как один день, наполненный запахом стружки и детским смехом. Иосиф до последней капли испил чашу отцовства: он радовался первым шагам Иешуа, замирая от восторга, когда тот впервые неуверенно произнес слово «папа». Для соседей и любопытных кумушек у Иосифа была готова печальная история — он говорил, что мать мальчика умерла при родах, и те лишь сочувственно вздыхали, глядя, как старый плотник заботится о сироте.

Мальчик рос удивительно смышленым. Иосиф с ранних лет обучал его плотницкому мастерству, и Иешуа схватывал всё на лету. Его маленькие руки уверенно держали резец, а глаза светились живым интересом к каждому куску кедра. Иногда Иосиф забывал, КТО перед ним, видя в подмастерье просто любимого сына.

Но иногда, по ночам, Иешуа просыпался от странных снов. Ему снились звёзды, которые он мог потрогать рукой, и голоса, которые звали его по имени, которого он не помнил. Он просыпался и звал Иосифа. Иосиф садился рядом, гладил его по голове и шептал: "Спи, сынок. Ты дома. Всё хорошо". Иешуа засыпал, и видения уходили, подчиняясь теплу отцовской руки. А Иосиф всё повторял про себя десять слов, выжженных в его памяти.

Когда пришло время открыть сыну правду — в тот самый день двенадцатилетия, когда тени стали длиннее, а в воздухе повисло предчувствие Перерождения — Иосиф позвал мальчика вглубь мастерской.

— Иешуа, мальчик мой... — голос плотника дрожал. Он чувствовал, как решается судьба мира.

— Да, папа? — мальчик поднял на него свои ясные карие глаза.

— Дело в том, сынок... — Иосиф сглотнул. — Что ты — Бог.

Глазенки мальчика удивленно расширились. Он замер, всё еще сжимая в руке гладкий деревянный брусок.

— Ты, должно быть, шутишь, папа? — Иешуа недоверчиво улыбнулся, ища в лице отца привычную искорку юмора.

— Нет, сынок. Я не шучу. И я не сошел с ума. Просто... послушай меня. Послушай эти слова.

И Иосиф, затаив дыхание, произнес тот самый пароль, в том самом порядке:

— Солнце. Луна. Земля. Небо. Река. Огонь. Вода. Трава. Камень. Дерево.

Наступила оглушительная тишина. Иешуа замер. Его взгляд стал странным — он перестал видеть стены мастерской и верстак. Мальчик будто задумавшись о чем-то бесконечно далеком, смотрел куда-то сквозь пространство и время. Его лицо менялось: детская растерянность уступала место глубокой, древней мудрости, которая не принадлежала этому миру.

Прошла минута, показавшаяся Иосифу вечностью. Наконец, Иешуа моргнул и снова посмотрел на отца. Но это был уже другой взгляд.

— Я вспомнил... — тихо произнес он, и голос его теперь звучал так же, как в том далеком ночном видении. — Я вспомнил, кто я. Папа... я помню, как пришел к тебе в ту ночь и попросил стать моим отцом. И ты не отказал. Спасибо тебе за это.

Иосиф с тревогой и затаенным страхом смотрел на сына. Сердце обливалось кровью: что же будет теперь? Наверняка ведь всё изменится. Творец Вселенной не может больше просто строгать доски в бедной лавке. Его сын уходил от него в вечность.

А мальчик просто подошел и крепко обнял Иосифа за шею, как делал это тысячи раз до этого.

— Не волнуйся, — прошептал Иешуа ему на ухо. — Я помню всё добро, что ты мне сделал. И я тебя не оставлю.

В тот вечер Иосиф долго не мог прийти в себя. Он двигался как в тумане, машинально убирая инструменты и смахивая опилки с верстака. В голове набатом звучали те десять слов и ответный шепот Иешуа: «Я вспомнил...».

Ужин прошел в странном, звенящем молчании. Мальчик ел не спеша, глядя в окно на заходящее солнце, и Иосифу казалось, что его сын видит там не просто закат, а движение самих небесных сфер. Когда пришло время ложиться, Иешуа, как обычно, обнял отца и ушел за свою перегородку. Все было как всегда. Обычный вечер в обычном доме.

Иосиф лег, но сон не шел. Он прислушивался к ночным звукам, ожидая привычного ворочанья сына на соломенном тюфяке или его тихого сопения. Но за стеной царила абсолютная, неестественная тишина. Ни шороха, ни вздоха.

Сердце кольнуло дурным предчувствием. Иосиф поднялся, накинул плащ и, стараясь не шуметь, заглянул за перегородку.

Постель была пуста.

Одеяло лежало ровно, словно на него никто и не ложился, или тот, кто был здесь секунду назад, просто растворился в ночном воздухе. Ни шагов, ни скрипа двери — только открытое окно, в которое заглядывала холодная луна.

— Иешуа? — позвал Иосиф, сначала шепотом, боясь услышать собственное эхо. — Сынок?

Он выбежал во двор. Ветер шелестел сухими листьями оливы, а луна заливала всё вокруг мертвенно-бледным светом. Иосиф обошел мастерскую, заглянул в сарай, проверил колодец. Пусто. Мальчик исчез так, будто его и не было в этом доме последние двенадцать лет.

Часы текли, луна медленно ползла по небосводу, а Иешуа не возвращался. К полуночи тишина дома стала невыносимой.

Иосиф снова и снова выходил за ворота, вглядываясь в темноту дороги. Там, где заканчивались границы деревни, начиналась черная пасть холмов. Из этой темноты доносились звуки, от которых у плотника стыла кровь: резкий, похожий на человеческий хохот крик гиен и прерывистый вой шакалов.

Страх — настоящий, животный страх отца за своего ребенка — сжал горло Иосифа ледяными пальцами. Он больше не думал о «создателе звезд». В его голове билась только одна мысль: его мальчик, его двенадцатилетний Иешуа, сейчас там, один, в мире, который внезапно стал для него чужим и опасным.

Под утро Иосиф был в настоящем беспамятстве от горя. Весь его трепет перед Вседержителем испарился, уступив место животному страху отца за

своего ребенка. Как только забрезжил рассвет, он бросился к соседям. Он стучал в двери, хватал за плечи играющих мальчишек, заглядывал в каждое лицо: «Вы не видели моего Иешуа? Куда он пошел?». Но люди лишь качали головами — никто не видел смышленого сына плотника с тех пор, как солнце скрылось за холмами.

Вернувшись в пустой дом, Иосиф в изнеможении рухнул на колени.

— Боже, пожалуйста, защити моего сына... — начал было он и тут же осекся.

Холодный озноб прошел по спине. Он вспомнил, к кому обращается. Слово «Боже» теперь не было далеким громом с небес. «Боже» — это был его мальчик, который еще вчера просил добавки за ужином. Как молиться тому, чьи сандалии стоят у порога?

Тогда Иосиф просто закрыл глаза и прошептал в гулкую пустоту комнаты:

— Пожалуйста, сынок... дай о себе знать. Просто подай знак.

— Иосиф! — тут же донесся с улицы знакомый голос.

Плотник выскочил во двор. У калитки стоял Яков, сосед-торговец, весь запыленный, будто только что с дороги.

— Извини, Яков, мне сейчас не до разговоров! — крикнул Иосиф, едва сдерживая слезы. — Сын пропал!

— Я знаю, — Яков тяжело дышал. — Потому и пришел. В городе, в самом Храме, переполох. Говорят, какой-то отрок ведет странные речи. Спорит со священниками, народ вокруг себя собирает, книжники рты пораскрывали. По описанию — вылитый твой малец.

Иосиф не стал слушать дальше. Он сорвался с места и побежал в город так, как не бегал даже в юности.

В Храме было не протолкнуться. Плотный запах ладана и пота, шум сотен голосов. Иосиф продирался сквозь толпу, пока не увидел Его. Иешуа стоял на возвышении, и свет, падающий из высоких окон, казалось, фокусировался на его каштановых волосах. Он говорил с людьми — просто, без пафоса, но каждое его слово падало в тишину, как камень в воду.

И он был прекрасен, его сын. В этот миг в нем не было ничего от подмастерья. Это был истинный Хозяин, вернувшийся в свои заброшенные владения.

— Иешуа! — в отчаянии крикнул Иосиф, пробиваясь к первым рядам.

Мальчик мгновенно повернул голову. И чудо произошло на глазах у всех: в ту же секунду его лицо изменилось. Вся эта ледяная, вселенская мудрость, эта древняя мощь в глазах — всё исчезло. На их место пришло обычное детское беспокойство и чувство вины. Иешуа спрыгнул с камня и, сопровождаемый изумленными взглядами толпы, бросился к отцу.

Он крепко обнял Иосифа за пояс, пряча лицо.

— Прости меня, пап... — прошептал он так тихо, что услышал только плотник.

— Малыш, ну что же ты делаешь со мной? — Иосиф прижал его голову к своей груди, чувствуя, как бешено колотится его собственное сердце. — Знаешь, что я пережил? Тебе дома надо быть, а не здесь!

— А я вроде и был дома, — Иешуа поднял на него глаза. — Ну, люди же говорят, что это мой дом...

— Идем, сынок. Поговорим после.

Они вышли из Храма, оставив за спиной онемевших книжников и гул толпы. Иосиф шагал размашисто, всё еще не до конца веря, что его мальчик идет рядом. Он чувствовал, как внутри него борются два совершенно разных человека.

Один — набожный иудей, который всю жизнь трепетал перед именем Всевышнего. Этот человек хотел пасть ниц прямо в дорожную пыль. Другой — земной отец, который полночи не спал от страха и теперь едва сдерживался, чтобы не задать сыну хорошую трепку за самовольную отлучку.

Иосиф тяжело вздохнул. Он никак не мог справиться с этим диссонансом в душе.

— Пап, — мягко прервал его мысли мальчик. Он шел чуть позади, и Иосиф чувствовал, что Иешуа видит его смятение. — Ничего не изменилось для нас с тобой. Слышишь? Я по-прежнему твой сын.

Они проходили мимо богатых кварталов Иерусалима. Мимо синагог, купален и микв. Огромные тесаные камни, золоченые кровли, колонны, уходящие в небо. Иешуа остановился на мгновение, оглядывая всё это великолепие.

— Сколько всего люди понастроили в мою честь... — тихо сказал он. В его голосе не было гордости, только какая-то щемящая, взрослая печаль. Он немного помолчал и добавил: — А ведь одно только нужно.

Иосиф чувствовал себя всё более странно. Он понимал, что рядом с ним, понурив голову, идет Тот, кому поклонялись его предки, о ком пели псалмы и кому приносили жертвы в Храме. Но глядя на этот виноватый вид, на босые ноги в пыли и на то, как мальчик теребит край своей рубахи, Иосиф не ощущал священного трепета.

Единственное, что заполняло его до краев — это безграничная, острая отцовская любовь. И радость от того, что его маленький сорванец снова рядом, живой и невредимый. Неужели это действительно Создатель Вселенной? Вот он идет, понурившись, как обычный мальчишка, который знает, что расстроил родителей.

Когда они подходили к родной деревне, солнце уже начало тонуть в горизонте. Оно окрашивало всё вокруг в густой, почти кроваво-красный оттенок, превращая обычные холмы в декорации для какой-то великой пьесы.

— Красиво... — не выдержал Иосиф, залюбовавшись закатным небом. И тут же одернулся, подумав: а ведь это его мальчишка прямо сейчас крутит это светило и подбирает цвета для облаков.

— Да, видок прям для Инстаграма, — вдруг вырвалось у Иешуа. Он смотрел на закат прищурившись, как мастер на свою лучшую работу.

— Для чего? — Иосиф нахмурился, услышав незнакомое слово.

— Инстаграма. Это такая штука... она появится в будущем. С помощью нее люди из разных деревень будут показывать себя друг другу. Но это будет еще очень не скоро.

Иосиф остановился и внимательно посмотрел на сына.

— Ты знаешь грядущее, сынок? Всё, что будет?

— Конечно. Я ведь и нахожусь в грядущем, — Иешуа вздохнул. — И в грядущем, и в настоящем, и в прошлом. Я везде и всегда.

Они замолчали. Последние лучи солнца коснулись крыши их мастерской. Иешуа первым вбежал во двор, снова становясь просто ребенком, который вернулся к привычному запаху стружки и теплого хлеба. Наконец они пришли домой...

Жизнь в мастерской вернулась в свое русло, но это было русло новой реки. Иосиф теперь постоянно пребывал в странном, головокружительном раздоре между своей верой и своим отцовством.

— Это уму непостижимо, — говорил он как-то вечером, глядя, как Иешуа ловко обтачивает шип на доске. — Как и кому мне теперь молиться? Зачем ходить в храм? Раньше я каждый год приносил Богу дары на Пасху. А кому мне их теперь приносить, зная, что ты здесь?

— Мне-мне-мне-мне! — дурашливо отозвался мальчик, не отрываясь от работы. — Мне приноси! Очень люблю орехи с медом!

Иосиф тяжело вздохнул, хотя в углах его губ затаилась улыбка.

— Вот ты негодник.

— Ага, — Иешуа хитро прищурился, подбросив в воздух щепку.

Однажды ночью, когда огонь в очаге уже почти погас, Иосиф посмотрел на сына и понял: «перерождение» во взрослого неизбежно в этом мире. Лицо мальчика уже начинало терять свою детскую мягкость.

— Бог или нет, — твердо сказал тогда Иосиф, — ты навсегда останешься моим мальчишкой.

— Да, — тихо ответил Иешуа, и его голос в ту секунду прозвучал странно. — Но здесь, в этой реальности, мне придется повзрослеть. Это правила игры, которую выбрал Адам. Не переживай, пап, это ненадолго. Там у себя, — мальчик показал пальцем на звезды, — я всегда такой же, как сейчас.

Он помолчал, и тень будущей печали скользнула по его лицу.

— Знаешь, пап… Через несколько лет ты узнаешь, что я покинул этот мир. Прошу, не печалься тогда и не переживай. Я просто вернусь к себе. Мы будем в разлуке недолго. Ты ведь тоже придешь ко мне, и тоже снова будешь мальчишкой. И мы будем с тобой друзьями. Просто друзьями.

Но до того, как Иешуа повзрослел окончательно, в пыльных улочках Галилеи его и его друзей ждало немало приключений.

Друзья его детства долго потом вспоминали случай, когда сестру юного Филиппа окружили соседские мальчишки. Они уже набрали полные горсти камней, и их лица перекосила та самая бессмысленная «взрослая» жестокость, которая иногда заражает детей. Они были готовы забросать девчонку просто ради забавы.

Внезапно Иешуа встал между ними. Он не вызвал молнии, он даже не повысил голоса. Он просто стоял — маленький, но непоколебимый.

— Кто первый бросит в нее камень, — сказал он, глядя главарю задир прямо в глаза, — будет иметь дело со мной.

И что-то в его взгляде — что-то, что ощущалось как тяжесть тысячи гаснущих солнц, — заставило их выпустить камни из рук и разбежаться.

Но больше всего ребят поразила история, случившаяся в один из самых знойных дней того лета. Они всем скопом сбежали к Галилейскому озеру, спасаясь от удушающей жары. Вода была неподвижной и тяжелой. Мальчишки дурачились, прыгали с глинистого обрыва и с визгом носились друг за другом по мелководью.

В какой-то момент Иешуа отвесил Симону звонкий подзатыльник, крикнул: «Вода!» — и бросился наутек.

Симон, утерев нос, с яростным азартом рванул следом. Иешуа петлял по песчаной косе, уводя погоню всё дальше. Симон нагонял, тяжело дыша и брызгаясь, готовый вот-вот схватить друга за рубаху. Иешуа резко вильнул в сторону, выбежал прямо на глубокую воду и как ни в чем не бывало припустил к стоящей вдалеке рыбацкой лодке.

Ослеплённый азартом Симон, не раздумывая, погнался за ним. Он мчался во весь опор, отчаянно молотя босыми пятками и вздымая тучи искрящихся брызг. Ему некогда было смотреть по сторонам или думать. Он видел только спину убегающего Иешуа и стремительно сокращающуюся дистанцию. Быстрее, ещё быстрее!

На берегу Фома, собиравший ракушки, вдруг замер, выронив находки из рук. Он судорожно протер глаза кулаками, отказываясь верить увиденному. Остальные мальчишки тоже притихли, испуганно уставившись на озеро.

В добрых тридцати шагах от берега, когда Симону оставалось сделать всего пару шагов, чтобы осалить беглеца, Иешуа резко остановился. Он обернулся, лукаво прищурился на запыхавшегося друга и звонко спросил:

— Симон, тебе как вообще — нормально бегается по воде?

Симон набрал в грудь воздуха для победного крика, но затормозил и растерянно опустил взгляд вниз. Только сейчас он по-настоящему осознал, что коса давно кончилась, берег остался далеко позади, а под его босыми ступнями — темная озерная глубина в несколько человеческих ростов.

В ту же секунду земная логика вернула свои права. Волшебство лопнуло. Вода разверзлась, и Симон с криком и брызгами камнем провалился под воду под дружный хохот пришедших в себя ребят.

Иешуа со смехом закружился на месте, картинно зажал нос пальцами и тоже нырнул следом. Через полминуты они оба вынырнули, отплевываясь и шумно глотая воздух. Симон, отчаянно кашляя, уцепился за плечо Иешуа, все еще дикими глазами глядя на темную озерную глубь под ними.

— Ну ты и чудной, Симон, — хохотал Иешуа, помогая другу удержаться на воде обычным, человеческим способом. — Бежал-бежал, а потом вспомнил, что тяжелый, и пошел ко дну. Ну точно камень! Камень ты и есть.

Прозвище мгновенно подхватили на берегу. Фома и Андрей, прыгавшие на мелководье, уже вовсю дразнили Симона, выкрикивая новое имя на все лады. Симон только беззлобно огрызался, неуклюже гребя к берегу, но к Иешуа с тех пор привязался еще крепче.

Кто же знал, что спустя годы Рой выцепит это детское прозвище из памяти учеников и превратит его в холодный гранитный фундамент для своей будущей церкви...

Ну и конечно же, Коллективный Дьявол приложил все силы, чтобы вымарать из памяти людей истинный смысл того, что принес Дэни. Он не мог уничтожить саму суть слов Иешуа, но он действовал хитрее: подменял их форму. Он облачал живую истину в сухой, мертвый канцелярский пафос, делая её настолько блеклой и непривлекательной, чтобы людям просто не хотелось её открывать.

Дэни говорил людям:

— Будьте как дети. Оставайтесь детьми! И тогда, когда ваше старое тело рассыплется, вы проснетесь в моем Истинном Мире. Вы получите вечно юные тела, и весь этот мир будет принадлежать вам. Мы будем играть вечно!

А люди, чьи умы уже были подключены к роевой нейросети КД, записывали в свои свитки:

«Истинно говорю вам, кто не умалится как дитя, не сможет войти в царствие небесное».

Ох уж этот пафос! Многим кажется, что форма не важна, что «стать ребенком» и «умалиться как дитя» — это одно и то же. Но на самом деле разница между ними колоссальна. Становясь ребенком, человек не «уничижается» и не «умаляется». Напротив — он сбрасывает с себя тяжелые цепи взрослой серьезности и возвышается до чистоты Творца. В первом случае это призыв к свободе и полету, а во втором — приказ встать на колени.

Однажды Дэни увидел, как его собственные ученики, возомнив себя важными стражами, пытаются оттеснить от него стайку шумных детей. И он по-настоящему вознегодовал:

— Вы что творите? Зачем вы гоните моих друзей? Весь мой мир принадлежит им! Это вам, бородатым и важным, нужно стать такими же, как они, если хотите быть со мной.

Но этот всплеск живого гнева записали всё тем же сухим, «взрослым» языком:

«Пустите детей приходить ко мне и не воспрещайте им, ибо таковых есть Царствие Небесное».

«Царствие»... «Небесное»... Дэни кривился, когда слышал эти слова. Как будто он — какой-то напыщенный деспот, восседающий на золотом троне среди облаков. «А ведь именно так все и будут меня рисовать», — с горечью думал он тогда.

КД пошел еще дальше. Желая окончательно скомпрометировать Дэни, он вложил в Писание откровенный абсурд. Дэни говорил: «Кто любит детей — тот любит меня». А дьявольский рой записал: «Кто любит сына или дочь более, чем Меня, недостоин Меня».

Любой, кто хоть раз видел глаза Дэни, понимал, какая это чушь. Чтобы Создатель заставил родителей выбирать между собой и их собственными детьми? Такая дикая мысль могла прийти в голову только сумасшедшим или тем, кто хочет превратить Бога в ревнивого тирана.

Дэни знал: его образ используют цари для оправдания войн, политики — для манипуляций, а прохиндеи всех мастей будут собирать на его имени огромные деньги «на храмы», в которых ему самому было бы тошно находиться.

И когда его друзья в тревоге спросили:

— Иешуа, как же нам сохранить всё, что ты сказал? Как донести это до тех, кто придет после нас?

Он грустно улыбнулся и ответил:

— Никак. Коллективный Дьявол слишком силен, он не даст правде пройти сквозь века неискаженной. Он вывернет красоту моих слов наизнанку. Но... есть одна короткая фраза. Она настолько проста и фундаментальна, что сам дьявол не сможет её стереть. Напротив, он будет вынужден передать её как есть, сам того не желая. Запомните её: **поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой**. Это единственный закон, который я вам даю. Всё остальное — лукавство и шум. Имеющий хотя бы одно ухо — её услышит. Глухой — прочтет. А имеющий разум — поймет.

Глава 11

На кухне воцарилась тишина. Я смотрел на пустую тубу из-под чипсов, на крошки на столе и на этого мальчишку, который только что перечеркнул все тома богословия одной фразой. В окне начало синеть — предрассветный час, самый холодный.

— Но они ведь не поняли, Дэни, — тихо сказал я. — Они всё равно возвели заборы. И тебя... они ведь решили тебя убить за эти слова?

Мальчик невесело усмехнулся и спрыгнул с табурета. Он подошел к окну и прижался лбом к стеклу, глядя на просыпающийся город.

— Конечно, решили. Взрослые не прощают тех, кто ломает их правила игры. Особенно когда эта игра строится на страхе. КД забился в конвульсиях, когда понял, что я учу вас быть свободными. Им нужно было шоу. Кровавое, страшное, назидательное. Чтобы каждый, кто посмотрит на меня, висящего на кресте, содрогнулся и пошел дальше строить свой забор.

Он обернулся ко мне. В сумерках его глаза казались совсем темными, почти черными.

— Они думали, что распятие — это их триумф. Их окончательное «нет» моему миру. Они так старались, забивая гвозди... А я смотрел на них и думал: «Бедные, серьезные люди. Вы даже не представляете, какую дверь вы сейчас открываете».

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Моя собственная дверь — та, что открылась передо мной в кабинете врача — вдруг перестала казаться такой пугающей.

— Тебе было больно? — спросил я.

— Очень, — просто ответил Дэни. — Быть человеком — это больно. Но знаешь, в чем секрет? Боль — это тоже часть игры. И когда она достигла пика, я просто понял, что пора. И перед тем как уйти, я решил оставить им подарок. Маленький сбой в их системе страха.

Он заговорщицки прищурился.

— Хочешь узнать, как это было на самом деле?

Глава 12

Толпа ревела. Воздух был пропитан пылью, потом и тем самым липким ожиданием крови, которое так любит КД. Люди смотрели на три креста на холме, ожидая стонов, проклятий или небесного огня. Но на центральном кресте царило странное спокойствие.

Иешуа висел, тяжело дыша. Его человеческое тело страдало — он честно отыграл эту роль до конца, прочувствовав каждую искру боли, которую чувствует любой из нас. Но когда его взгляд встречался со взглядом плачущего Иоанна или испуганного стражника, в его карих глазах вдруг вспыхивало то самое озорство.

Он понял: всё. Пора. Время «взрослости» истекло.

В какой-то момент, когда священники уже начали торжествующе выкрикивать свои догмы, Иешуа вдруг улыбнулся. И это была не мученическая улыбка, а светлая, мальчишеская. Он нашел в толпе тех, кто его любил, поймал их взгляд и... подмигнул.

Словно они вместе задумали какую-то грандиозную шалость, и сейчас наступала самая веселая её часть. Этим жестом он разом перечеркнул весь ужас происходящего. Смерть перестала быть бездной. Она стала другом.

***

Поминальный стол был накрыт. В воздухе висела тяжелая, душная печаль, какая бывает только в доме, где оплакивают самого дорогого человека. Десять мужчин стояли снаружи, опустив головы, не в силах смотреть друг другу в глаза и сделать первый шаг за порог. Андрей первым решился войти в дом, чтобы проверить, всё ли готово. Но не прошло и минуты, как изнутри донесся его слегка хриплый, полный неверия крик:

— Братья! Скорее сюда!

Оставшиеся друзья, повинуясь какому-то необъяснимому порыву, бросились в дом. Они ожидали увидеть что угодно: пустую комнату,

стражников или привидение. Но то, что предстало их взорам, лишило их дара речи.

За столом сидел мальчишка. Кареглазый, красивый, с той самой копной каштановых волос, которые вечно путались от ветра. На нем была простая туника, а на губах играла знакомая, чуть лукавая улыбка. В руках он держал крупный золотистый плод.

— Бакуроты уже поспели! — звонко произнес он, и этот голос прошил тишину, как солнечный луч. — Сладкие и сочные, будто уже наступил хризан!

Мужчины стояли неподвижно, оцепенев от шока. Они молча взирали на нежданного гостя, боясь даже вздохнуть, чтобы видение не рассыпалось. Но в глубине души каждый из них уже всё понял. Эти черты, этот наклон головы, этот свет в глазах — они помнили это с самого детства. Это был их Иешуа. Тот самый Данька, с которым они когда-то строили плоты и бегали наперегонки к озеру. Но они всё еще боялись поверить. Слишком свежа была память о гвоздях и кресте.

— Что застыли, бродяги? Не узнаете меня?

Он спрыгнул с лавки и подошел к ним. В ту же секунду оцепенение спало. Андрей подхватил его на руки, поднимая высоко к потолку, а остальные обступили их плотным кольцом. Они стали тискать Дэни, ерошить ему волосы, хлопать по плечам - живого, теплого, настоящего.

— Ай! Аааaа! Полегче! — заливался смехом мальчишка, уворачиваясь от их крепких объятий. — Вы меня сейчас задушите!

Друзья смотрели и не верили своим глазам. Дэни-Иешуа был точно таким же, каким они знали его в детстве. Никаких шрамов, никакой горечи. Смерть действительно оказалась для него не более чем дверью в другую комнату, из которой он вышел, чтобы позвать их играть дальше.

Друзья обступили Иешуа, в комнате стоял невообразимый гам. Но в самом углу, прислонившись к дверному косяку, застыл Фома. Его лицо было бледным и жестким. Он смотрел на смеющегося мальчишку с какой-то мучительной подозрительностью.

— Ну чего ты там застыл, Фома? — Иешуа вывернулся из объятий Андрея и весело прищурился. — Иди сюда, потрогай, если не веришь. Я настоящий. Видишь? Даже заноза на пальце осталась от той старой доски.

Фома медленно подошел. Его руки дрожали. Он видел перед собой ребенка, но в памяти всё еще стоял жуткий образ человека на кресте. Его «взрослый» разум кричал, что это невозможно, что это морок, галлюцинация, подстроенная Коллективным Дьяволом.

— Это не ты... — прошептал Фома. — Тот, другой... у него были дыры в руках. Я видел. Я сам видел, как в него входило железо.

Дэни-Иешуа вдруг перестал смеяться. Он посмотрел на друга с глубоким, почти родительским состраданием.

— Глупый ты, Фома, — тихо сказал он. — Ты ищешь следы боли там, где её больше нет. Зачем мне тащить в Истинный Мир дыры от гвоздей? Я ведь говорил вам: там мы снова станем собой. Такими, какими вы задуманы, а не такими, какими вас сделало ваше взрослое горе.

Он протянул Фоме свою маленькую, теплую ладонь.

— На, трогай. Здесь нет дыр. Здесь только жизнь. Почувствуй, как бьется мое сердце. Оно живое. Это сердце твоего друга.

Фома осторожно коснулся пальцев мальчика. Кожа была гладкой, теплой и пахла тем самым кедром из мастерской Иосифа. И в этот миг последний забор в голове Фомы рухнул. А затем он сам рухнул на колени, уткнувшись лицом в плечо Иешуа, и впервые за много лет зарыдал. Не от горя, а от того, что его мир наконец-то снова стал простым и понятным. Как в детстве.

Дни «Истинной Игры» подходили к концу. Дэни-Иешуа знал: дверь, которую он открыл своей «смертью», теперь не запереть. Но ему самому пора было возвращаться — там, в Истинном Мире, его заждались.

В тот последний день он собрал своих друзей на склоне холма. Солнце палило вовсю, но рядом с мальчиком всегда веяло прохладой, как из открытого окна в жаркий полдень. Люди ждали прощальной проповеди, торжественных клятв или хотя бы строгих заповедей на будущее.

Но Иешуа просто запрыгнул на большой плоский валун и широко, по-хулигански улыбнулся. В его глазах плясали те самые искорки, которые Фома и Андрей помнили еще по играм на пыльных улицах Галилеи.

— Эй! — звонко крикнул он, перекрывая шум ветра. — Вы только не скучайте тут без меня. И не вздумайте плакать, слышите? Мы скоро увидимся. До скорой встречи!

И тут началось то, что КД позже опишет как величественное шествие в облака. На самом деле всё было гораздо проще и веселее.

Он не стал медленно подниматься вверх с постным лицом. Он просто... оттолкнулся от камня, как будто прыгал с тарзанки в чистое, прозрачное озеро. Только вместо того, чтобы упасть, он взмыл вверх. Его тело на лету начало терять плотность, становясь прозрачным и сияющим, словно он сам превратился в чистый солнечный луч.

На глазах сотен людей мальчишка просто вознесся в зенит. Это не было томным шествием; это был стремительный взлет, легкий и дерзкий. Казалось, он просто убежал вверх по невидимой лестнице, смеясь и махая рукой на прощание тем, кто остался внизу.

Через секунду в небе не осталось ничего, кроме ослепительного белого росчерка, который медленно таял в синеве. Люди стояли, задрав головы и раскрыв рты. Коллективный Дьявол уже лихорадочно подбирал слова, чтобы упаковать этот «несанкционированный выход» в рамки канона, добавить туда ангелов с трубами и побольше страха. Но те, кто стоял на холме, знали правду: их лучший друг просто ушел домой. По-мальчишески. Налегке.

Друзья Иешуа хранили память о нем бережно, как самое дорогое сокровище. Но Коллективный Дьявол не мог оставить всё как есть. Едва последний из тех, кто видел Дэни в лицо, закрыл глаза, роевой интеллект принялся за работу. Среди людей поползли слухи. Кто-то называл Иешуа великим учителем, кто-то — пророком, а кто-то — удачливым шарлатаном.

Но в итоге, благодаря стараниям КД, победила самая нелепая из всех возможных идей: якобы всемогущее существо явилось в мир, чтобы принести

в жертву самого себя самому себе ради избавления людей от греха, концепцию которого оно само же и создало.

Этим абсурдом КД разом отсек от Дэни миллионы здравомыслящих людей. Они справедливо видели в таком поступке лишь проявление нестабильного, маниакального сознания, что никак не вязалось с образом Создателя Вселенной. До них просто не доходило, что Творец может быть по-настоящему добрым, чувствительным и даже ранимым. Что он — не архитектор догм, а Мальчик, который хочет дружить.

Представьте: очередной бородач в пышной церкви истово бьет себя в грудь. Он крестится перед золоченой иконой, падает на колени, с грохотом бьет лбом в пол и снова поднимается, бормоча: «Помоги мне, Господи!». Он повторяет это упражнение раз за разом, надеясь задолбать «старика» своим нытьем, чтобы тот разжалобился и дал просимое — не по дружбе, а по неотступности.

В этот момент его робко трогает за плечо какой-то мальчуган в выцветшей футболке.

— Чем помочь, дядь? — тихо спрашивает он.

Мужчина бросает на ребенка злобный, раздраженный взгляд. И снова падает лицом в паркет. Он не примет помощи от мальчика. Он обращается не к Дэни, а к выдуманному тирану, которого он привык видеть в своих фантазиях.

Глубоковерующие лицемеры обожают повторять с придыханием: «Бог непознаваем! Неисповедимы пути Господни!». И для них он действительно непознаваем. Потому что невозможно познать пафосный, бессмысленный бред, который они сами же и возвели вокруг своей веры. Они не могут сделать и шага без напыщенных речей, за которыми скрывается пустота.

Но для тех, кто сохранил искренность, всё иначе. А кто самый искренний на свете? Разумеется, дети. И вот для них Дэни — открытая книга. Они понимают его с полуслова. Они чувствуют то, к чему ученые лишь осторожно присматриваются через линзы микроскопов. Это и есть та самая тайна, которую Дэни скрыл от мудрецов и открыл младенцам. Потому что младенцы не строят заборов. Они просто открывают дверь и выходят играть.

Информация об Истинном Мире никогда не покидала нас окончательно. Она просачивается в наш «мир скорби» тонкими струйками, которые мы привыкли называть Искусством.

Вы замечали, почему нам так дороги фильмы с простыми сюжетами и обязательным хэппи-эндом? Взрослые критики называют это «примитивизмом» или «эскапизмом», но на самом деле это генетическая память. В мире Дэни хэппи-энд — это не художественный прием, а единственный закон природы. Там, если кто-то один вдруг загрустит, его печаль не остается незамеченной: вся планета, каждый дальний и ближний друг тут же откликаются, чтобы поддержать и согреть. Там невозможно быть одиноким в своем горе. И когда мы смотрим доброе кино, мы просто на полтора часа возвращаемся домой.

Дэни даже пытался облегчить наше существование здесь, передав нам свои технологии. Мало кто знает, но именно он придумал Интернет.

В Истинном Мире это чистые потоки данных, позволяющие друзьям всегда быть вместе, даже если они на разных концах планеты. Интернет Дэни — это способ для любящих душ никогда не расставаться, играть в общие игры и чувствовать тепло друг друга через любые расстояния. Это было задумано как великое объединение.

Через своих «посвященных» — таких как сэр Тим Бернерс-Ли и Роберт Кайо — Дэни передал эту технологию в наш мир. Он надеялся, что это хоть чуточку облегчит участь тех, кто томится в «мире скорби» не по своей воле, даст им надежду и поможет найти своих.

Но Коллективный Дьявол не мог допустить такого торжества объединения. В мире Дэни Интернет был и остается царством разума и эмпатии. В мире же КД он мгновенно превратился в зверинец безумия. Троллинг, кибербуллинг, ненависть — роевой интеллект быстро научился использовать каналы любви для распространения своего яда. Вместо того чтобы объединять души, технология стала разделять их на лагеря, строя новые, цифровые заборы.

Дэни смотрел на это и только печально качал головой. Для него всё было очевидно:

— Дети — это и есть настоящие люди, — тихо сказал он мне в ту ночь. — А взрослые... Взрослые — это просто то, что от них осталось после того, как КД закончил свою работу.

Глава 13

Я сидел, вцепившись в край стола. Мозг плавился. Все мои взрослые представления о логике, пространстве и времени трещали по швам, как старая одежда на вырост.

— Погоди... — выдавил я, глядя на Дэни. — Если ты здесь, на моей кухне, ешь чипсы и болтаешь со мной... то кто в этот момент присматривает за остальным? Кто управляет галактиками? Кто следит, чтобы атомы не разлетелись в разные стороны? Ты что, оставил Вселенную на автопилоте?

Дэни весело фыркнул и спрыгнул с табурета.

— Автопилот? Серьезно? — Он подошел ко мне и коснулся моего лба прохладными пальцами. — Смотри. Только не зажмуривайся.

Мир вокруг меня мгновенно выцвел. Стены кухни стали прозрачными, а потом и вовсе исчезли. Я увидел Истинный Мир. Там было пронзительно синее небо и огромный, разноцветный батут посреди цветущего луга. И там был Дэни. Он прыгал вместе с другими ребятами, заливаясь смехом. Он буквально светился от счастья — ведь вокруг него были настоящие друзья, а не те лицемерные поклонники, что бьются лбами в пол.

— Это один из моих аватаров, — раздался голос Дэни прямо у моего уха здесь, на кухне. — То есть это Я. Понимаешь? Я здесь, говорю с тобой, и я там — прыгаю на батуте. Одновременно. Это не разные сущности, это всё один я. Всё, что говоришь мне ты, в ту же секунду узнает тот мальчишка в небе. Смотри!

В этот момент мальчик на батуте в ином мире замер в воздухе, посмотрел прямо на меня сквозь пространство и весело помахал рукой.

— Видишь? Я только что помахал тебе из другого мира, — сказал Дэни, стоящий рядом со мной.

Я заворожённо смотрел в распахнувшееся окно реальности. Там, на залитой солнцем поляне, длинноволосый и кареглазый Дэни легко соскочил с натянутой сетки батута на мягкую траву. Его друг, мальчуган помладше в этот момент увлечённо возился на траве у корней раскидистого дерева, пытаясь распутать леску от воздушного змея, и ничего не замечал.

Дэни лукаво прищурился, тихонько огляделся и на цыпочках стал подбираться к мальчику со спины. Улучив момент, он налетел коршуном, обхватил его одной рукой за торс, а ладонью другой закрыл глаза.

— Дэни! — закричал мальчик, мгновенно узнав эти ладони, и весело подпрыгнул, пытаясь вырваться.

Дэни убрал руки и со смехом отскочил назад:

— Спорим, ты бы меня не заметил, если бы я сам не показался?

— Да ладно, ты же опять свои волшебные фокусы использовал, чтобы я тебя не услышал? — мальчик шутливо пихнул его в бок.

— Да нет же! Ну правда, честно. Всё по правилам, я просто тихо шёл.

— А ты вообще где пропадал? Мы же договаривались встретиться у ручья.

— Да тут, рядом, — Дэни заговорщицки улыбнулся и подмигнул куда-то в сторону — прямо туда, где в невидимом окне пространства замер я. — Одному приятелю помогал книгу писать.

— Какому еще приятелю?

— Не важно.

— Важно! Скажи — кому?

— Не скажу.

— Скажи!

— Да правда, не важ… Ай!!!

Мальчик коварно ухмыльнулся, перехватил Дэни за бока и принялся нещадно щекотать, прекрасно зная об этой слабости своего друга.

— Зак, отстань! Ахахаха, ну хватит уже! — Дэни согнулся пополам.

— Не отстану. Скажи, кому помогал?

— Ахахахаха, ну человеку одному! Да хватит уже! Хахахахаха…

— Что за человек?

Дэни со смехом повалился на сочную траву, но Зак не думал сдаваться. Он тут же сел на друга верхом, продолжая атаковать его подмышки.

— Ахахаха, хватит! Зак, предупреждаю, я тоже… Ахаха… Я тоже могу… Да Зак, отстань!

И вот Тот, кто создал бесконечную Вселенную, кто миллиарды лет перемещал гигантские галактики и зажигал сверхновые звезды, сейчас катался по траве, безуспешно пытаясь спрятать подмышки от пальцев восьмилетнего мальчика, который победно восседал на нём верхом.

Наконец Зак выдохся и сделал паузу, которой Дэни тут же воспользовался.

— Зак, вообще-то я тоже умею щекотаться!

И с этими словами Дэни резко извернулся, обхватил Зака за пояс, и они вместе, сцепившись в живой клубок, покатились вниз по мягкому зеленому склону, оглашая всю поляну звонким, безудержным хохотом.

Дэни, сидевший напротив меня за столом, смолк и тихонько хмыкнул, словно всё ещё слышал эхо того далёкого смеха. Я же не мог оторвать взгляда от залитой солнцем поляны в невидимом окне пространства.

Там, внизу, у самой кромки прозрачной речной заводи, трава шуршала крупными сочными стеблями. Из зарослей к сидящим у реки мальчишкам неторопливо выбрался гигантский, размером с арбуз, речной краб. Его панцирь отливал глубоким лазурным цветом, а мощные клешни были сложены на груди. Он подошел к ребятам почти вплотную и замер. Затем одна из его крупных ходильных ног издала негромкий, сухой щелчок и аккуратно, без единой капли крови, отделилась от сустава, оставшись лежать на изумрудном ковре.

Краб слегка наклонил панцирь вперед, выжидающе глядя на мальчишек крошечными глазками-бусинками, будто проверяя: приняли ли они его подарок? На месте отделённой лапы была видна чистая, ровная, перламутровая плёнка, под которой мягко и ритмично пульсировал едва заметный зачаток новой конечности. Убедившись, что его дар замечен, великан развернулся и так же чинно зашуршал обратно в воду.

— Ого! — Один из мальчишек подхватил тяжелую, увесистую лапу, с трудом удерживая её в руках. — Смотрите, тут с полкило чистейшего мяса будет! Разведем костёр?

— Давайте у старой ивы, там сушняка много! — звонко отозвался другой мальчишка.

Я перевёл ошеломлённый взгляд на Дэни, который сидел напротив меня на заляпанной крошками кухне.

— К утру у него будет новая лапа, — спокойно, с лёгкой улыбкой объяснил мне Творец. — Причём лучше и крепче прежней. Для него самого это важный, необходимый процесс обновления тканей. А для ребят — вкусная еда. В моем Истинном Мире между всеми живыми существами царит полный, абсолютный симбиоз, и нет ни капли паразитизма. Никто никого не пожирает тайно, никто ни у кого не забирает жизнь силой. Это в вашем мире скорби всё предельно упростилось, огрубело и превратилось в бесконечную цепочку убийств ради выживания.

Но это ещё не всё! Я здесь, я там, а еще я прямо сейчас — в виде бесплотного духа — нахожусь на другом конце Вселенной, который не разглядеть ни в один ваш телескоп. И там, в немыслимой дали наблюдаю, как

два квазара сливаются в одну гигантскую черную дыру. Вот это зрелище, если бы ты видел! И это тоже я.

— Погоди, остановись... — я схватился за голову. — У меня сейчас мозг взорвется.

— Ага, а ведь это только начало! — Дэни вошел в азарт, его глаза горели. — Я нахожусь везде не только в пространстве, но и во времени. Для тебя есть «вчера» и «завтра», а я присутствую во всех временах одновременно. И во всех параллельных реальностях сразу. А их столько, что у вас и названий для таких чисел нет!

— Офигеть...

— Впечатлил? — Дэни довольно задрал нос. — Да если хочешь знать, я считаю до числа Грэма, когда не могу уснуть по ночам!

— Погоди, ты ещё и спишь? — нахмурился я, пытаясь увязать в голове эти масштабы. — И как вообще с такими мозгами можно спускаться на землю? Как ты можешь играть во что-то с другими ребятами? У тебя же безграничная сила. Ты ведь физически знаешь наперед все ходы в любой игре и должен побеждать каждый раз? В чем тогда прикол?

— Да с обычными ребятами как раз играть проще и веселее всего, — Дэни улыбнулся. — А вот от некоторых моих умников в Истинном Мире у меня иногда у самого голова пухнет. Взять хотя бы Стива Хокинга. Этот мальчишка там у нас просто сумасшедший, в хорошем смысле. Нет, он больше не пытается доказать мне, что меня нет. Но видел бы ты наши споры по поводу космологии! Он постоянно подбегает ко мне и, когда хочет занудствовать особенно убедительно, начинает по приколу имитировать свой прежний электронный, роботский голос: «А по-че-му вот э-та кон-стан-та та-ка-я?». А потом увлекается, срывается на свой нормальный голос и уже вовсю тараторит: «Если ее изменить так-то, то гравитация идеально впишется в стандартную модель! Да, тогда придется еще и слабое взаимодействие править, но оно стоит того!». Я устал ему объяснять, что все это я много раз пробовал — фигня получается. У меня этих вселенных десять в тысячной степени было, если не больше, я-то знаю. Так что обычный футбол на траве — это просто спасение. В играх всё работает совсем не так! Смысл игры как раз в том, что я умею себя ограничивать. Когда я бегу с мячом по полю в атаку, мой аватар обладает силой и ловкостью самого обычного десятилетнего мальчишки. Я, кстати, далеко не лучший игрок в нашей команде, мне еще тренироваться и тренироваться! И когда мы режемся в настолки, я тоже сознательно отключаю для своего аватара знание скрытых карточек или того, сколько очков выпадет на кубиках в следующем ходу. Я никогда не жульничаю. Честно. Иначе ведь просто неинтересно.

Он вдруг понизил голос:

— Но люди всегда пытались впихнуть меня в свою куцую логику. Как-то давно я пришел в одно селение в виде ребенка и стал играть с местными детьми. И я же, в виде взрослого мужчины, стал говорить со старейшинами. Потом оба моих аватара — ребенок и взрослый — подошли к людям и стали объяснять, что мы на самом деле одна личность.

Дэни весело прыснул:

— А те записывают: «Видели мы отрока с отцом, и сказали они: азъ есмь богъ сущий». Я терпеливо втолковываю им, что могу иметь сколько угодно аватаров, и даже без них я присутствую везде в виде незримого духа. А они почесали затылки и записали: «Бог — это отец, сын и святой дух».

Дэни на секунду замолчал, а затем лукаво прищурился. Пространство Истинного Мира вокруг нас мягко качнулось, и нас мгновенно перенесло на залитое ослепительным солнцем побережье.

Это была Индонезия. Воздух был пропитан ароматом цветущих плюмерий и океанской свежестью. Под бескрайним бирюзовым небом, прямо по белоснежному песку у самой кромки лазурной воды, с весёлым смехом носились смуглые мальчишки. Они запускали ввысь огромных, невероятно ярких воздушных змеев в виде сказочных птиц и драконов. Среди них, крепко удерживая катушку с бечевкой, бежал ещё один паренёк — местный, азиатской внешности, в легкой белоснежной рубашке.

— Дани! Дани, тарик! — звонко закричал ему один из смуглых мальчишек, отчаянно замахав руками в сторону пикирующего к воде огромного дракона.

На бегу паренёк в белой рубашке замер. Медленно повернул голову и посмотрел прямо на меня. Сквозь чужую реальность его взгляд прошил меня насквозь, и в нем вспыхнули те самые знакомые, живые искры. Мальчишка весело подмигнул мне и негромко произнес на незнакомом наречии фразу, которая эхом отозвалась в моих мыслях чистым голосом Дэни:

«Ну что, теперь веришь, что я успеваю играть со всеми?»

Картинка океана мгновенно растаяла. Я моргнул и снова обнаружил себя сидящим на нашей старой кухне. Дэни сидел напротив и довольно улыбался, болтая ногами.

Я потряс головой, пытаясь вернуть мыслям привычный порядок после увиденного побережья.

— Но ведь ты дал людям абсолютную свободу выбирать, какими им быть, — я посмотрел на Дэни. — Было бы несправедливо после смерти просто взять и насильно превратить каждого в двенадцатилетнего мальчишку. А как же те, кто искренне полюбил свою взрослость?

Дэни согласно кивнул, и его лицо на миг стало очень серьёзным.

— Конечно. Это было бы нечестно, — просто ответил он. — Поэтому, помимо нашего Истинного Мира, есть ещё один — Мир Взрослых. Там живут те, кто за всю жизнь не сделал никому зла, но осознанно выбрал остаться взрослым. Просто взрослый мир, но уже без Коллективного Дьявола, болезней и прочего. Со своей сложной логикой, философией, тихой зрелостью и правилами. Я уважаю их выбор. Я нечасто навещаю тот мир, позволяя им жить именно так, как они сами хотят, без моего детского шума и суеты. Они заслужили свой покой.

— А здесь, на Земле? — спросил я, разглядывая дно пустой кружки. — К другим людям ты вот так же приходил? На обычные кухни?

— Конечно, приходил, — Дэни подпёр подбородок кулаками и весело прищурился. — Только мало кто из взрослых потомков Адама способен воспринять меня всерьез, когда я являюсь в своем подлинном обличье. Они же сразу ищут скрытые камеры, вызывают полицию или списывают всё на стресс и галлюцинации. Но бывают и приятные исключения. С кого, по-твоему, Джеймс Барри списал образ своего Питера Пэна?

— Ладно, с этим понятно, — я постепенно начинал укладывать в голове правила этой грандиозной Игры. — Но как устроены детские миры? Те ребята с батутов, из загородных автобусов и мальчишки с индонезийского пляжа — они так и живут порознь? В своих изолированных кусочках твоего мира?

— С чего бы это? — Дэни удивленно вскинул брови. — Они же друзья! А друзья должны ходить друг к другу в гости. Они постоянно путешествуют. Собираются огромными компаниями, садятся на фантастически крутые, бесшумные поезда, которые мчатся сквозь радужные каньоны, или грузятся на белоснежные океанские лайнеры размером с целый город. И плывут навещать ребят на других континентах.

Он вдруг подался вперед, и в его глазах снова заплясал лукавый огонек.

— Но самое забавное знаешь в чем? Вот провожаю я их на вокзале в одном конце мира, машу рукой вслед уходящему поезду. Они едут, дурачатся в купе, пьют чай. А где-нибудь посреди глухой тайги, на крошечном заснеженном полустанке, поезд притормаживает всего на минуту, двери вагона распахиваются, и внутрь запрыгиваю я — румяный с мороза, с кучей огромных коробок в руках. Ставлю их на стол и говорю: «Пацаны, я вам свежую пиццу принес, только из печи. Налетай, не благодарите!» А когда состав наконец прибывает на станцию назначения, двери открываются — и на перроне с плакатом «Добро пожаловать!» их встречаю... тоже я! Да, от меня вообще невозможно скрыться. Я и тот, кто провожает, и тот, кто ждет, и тот, кто едет рядом, и сам путь. Им это ужасно нравится.

Я только открыл рот, чтобы что-то спросить, но он уже подался вперед.

— А знаешь что? — мальчишка не унимался, он явно наслаждался эффектом. — Те, кто в будущем будут читать твой рассказ обо мне... Те самые люди, которые сейчас держат в руках книгу или смотрят в экран... Я прямо сейчас нахожусь и рядом с ними тоже. И если они очень захотят, то прямо сейчас почувствуют, как я положил ладони им на плечи. Чувствуешь? Да-да, именно ты. А теперь замри на секунду. Чувствуешь мое дыхание на своей щеке? Чувствуешь же? Ну вот, теперь ты точно знаешь, что я рядом.

Он лукаво прищурился, глядя куда-то прямо сквозь меня, точно в глаза будущему читателю.

Дэни вдруг вскочил с табурета и потянул меня за рукав к кухонному окну.

— Глянь в окно! — нетерпеливо зашептал он, будто собирался показать мне секретный клад. — Видишь, там на востоке, почти у самого горизонта, две яркие звездочки? В это время года их видно только перед самым рассветом. Совсем недолго.

Я прищурился, вглядываясь в синеющую мглу.

— Вижу.

— А рядом — еще одна, только совсем тусклая. Маленькая такая точка.

— Будто пятнышко, чуть светлее неба?

— Да-да! — Дэни просиял. — Так вот, вокруг этой звезды вращается планетоид. Его форма почти идеально напоминает сердце. Представляешь?

Я невольно улыбнулся:

— Да ну! Не может быть.

— Ага! — Дэни замахал руками, стараясь описать форму в воздухе. — Обычно они все скучно-круглые, ну или как картофелины. Неправильная форма в космосе — это редкость, её почти не встретишь. Но тут так случилось. В незапамятные времена две карликовых планеты столкнулись на огромной скорости. Часть вещества выбило в бездну, но их ядра сплавились в один объект. Получился кулон в виде сердечка, только размером с небольшую страну.

Он прижался носом к стеклу, и на нем осталось маленькое пятнышко пара от его дыхания.

— Так вышло случайно, я тут ни при чем. А он еще и вращается хитро — почти точно по оси между двумя половинками. Я прямо сейчас нахожусь там, на его «темной» стороне, и смотрю сквозь прорезь этого огромного сердца на ваше Солнце.

— Ух ты... — я на мгновение затаил дыхание. — И как наше Солнце оттуда выглядит?

— Как обычная желтая искра, — Дэни пожал плечами. — Зато оттуда она смотрится как часть вашей Большой Медведицы. Только с того угла Медведица — это никакой не ковш, а очень сложный, ломаный многогранник. Красиво, если честно.

— А ты видишь оттуда Землю?

— Я-то вижу всё, — он снова посмотрел на меня своим довольным взглядом. — Но обычным человеческим зрением её оттуда не поймать. Слишком далеко, а ваша Земля — она такая крохотная и хрупкая...

— А это сердце... Его можно увидеть отсюда?

— Тоже нет. Оно еще меньше Земли.

Я посмотрел на тусклую точку в небе и вдруг почувствовал себя частью чего-то грандиозного и одновременно очень уютного.

— А можешь мне помахать оттуда, раз ты там?

Дэни звонко расхохотался, и этот смех заполнил всю кухню:

— Ахаха, ну, помахал! Ты же всё равно этого не увидишь. А если бы даже у тебя был супер-глаз, ты бы увидел мой взмах только через сто пятьдесят лет — пока свет долетит до вашей Земли.

— Ну, всё равно... — я почувствовал, как в груди разливается тепло. — Это круто — знать, что кто-то прямо сейчас машет тебе рукой из далекого космоса.

— Если хочешь, я могу тебе из галактики Андромеда помахать! — азартно предложил он. — Но оттуда свет вообще летит миллионы лет. Пока долетит — я уже успею вернуться и снова съесть все твои чипсы.

— А ты можешь с ней что-нибудь сделать? Ну, не знаю... с галактикой? Раскрутить её посильнее, чтобы искры полетели?

Дэни на секунду задумался, и его лицо стало серьезным:

— Могу, конечно. Но зачем? Там такое гравитационное возмущение пойдет — мама не горюй! Затронет всех в локальном кластере.

Дэни спрыгнул с подоконника.

— Ну, засиделись мы с тобой. Мне пора.

Я хотел что-то сказать, поблагодарить или попросить остаться ещё на минуту, но слова застряли в горле. Мальчик просто подмигнул мне — в последний раз, — и в ту же секунду воздух на кухне дрогнул.

Он не ушел через дверь. Он просто перестал быть здесь. Мгновение — и табурет пуст. Только на столе осталась лежать та самая веточка с золотистым плодом, от которой по всей кухне шел неземной аромат июньского сада.

Я сидел неподвижно, боясь спугнуть тишину. В голове всё еще звучал его смех. Механически я протянул руку к смартфону, лежавшему на краю стола. Экран вспыхнул, и я замер.

На часах было 3:07.

Я потряс головой. Этого не могло быть. Мы говорили часами. Он рассказывал про Авраама, про Вселенную, про Иерусалим... Мы смотрели на предрассветные звезды!

«Сломался», — подумал я про мобильник. — «Или просто завис».

Я не сводил глаз с цифр. И в следующую секунду, прямо на моих глазах, семерка дрогнула и сменилась восьмеркой.

3:08.

Холодок прошел по моей спине, но на этот раз это был не страх. Это был восторг. Я понял всё. Для этого мальчишки время — не тюрьма, а просто пластилин. Наш многочасовой разговор, изменивший всё моё нутро, не продлился и шестидесяти секунд в этом мире скорби. Он просто раздвинул мгновение, впустив меня в свою Вечность на одну короткую минуту.

Я посмотрел в окно. Там была непроглядная ночная тьма. Никакого рассвета, никаких звезд «Большого Многогранника». Обычная ночь обычного города.

Но в моей руке был плод бакурота. Тёплый, сочный и совершенно реальный.

Я взял ручку, открыл чистую тетрадь и написал на первой странице:

«Вы знаете, что такое отчаяние?..»

Эпилог

Я сидел в тишине своей кухни, вдыхая аромат бакурота. Смертельный диагноз всё еще лежал в папке на столе, но он больше не имел надо мной власти. Это была просто бумажка с опечатками Коллективного Дьявола.

Теперь я знаю, чем всё закончится. Легкой смерти не бывает — тело будет цепляться за привычный мир до последнего вздоха, — но как же здорово будет в самом конце вновь увидеть это знакомое лицо!

Я закрою глаза здесь, а открою их там. И первое, что я услышу, будет звонкий, чуть насмешливый голос:

— Привет! Ты чего так долго? Я уж заждался тебя.

Я улыбнусь, чувствуя, как тяжесть прожитых лет осыпается с плеч сухой шелухой.

— Ну что, пойдем?

— Пойдем, конечно! Все наши уже на месте, — Дэни просто махнет рукой в сторону сияющего горизонта. — Мне еще столько всего надо тебе показать. Я тут придумал, как зажечь ярко-зеленые звезды, которые ещё и ритмично пульсируют будто под музыку. Ты просто офигеешь, когда увидишь, какой там световой перформанс! А еще хочу придумать как сделать кино прямо на небосводе…

Захлебываясь от собственных идей, не давая мне вставить и слова, он потащит меня за собой. Под его азартный, сбивчивый рассказ мы выйдем на улицу Истинного Мира, залитую тем самым вечным светом, который не режет глаза. И на первом же перекрестке я невольно приторможу.

— Слушай... а я не обращусь в соляной столб, если сейчас оглянусь назад? На ту, старую жизнь?

Дэни остановится и посмотрит на меня с легким недоумением:

— А зачем? Что-то забыл там? Или по ком-то скучаешь?

Я прислушаюсь к себе. Ни боли, ни обид, ни страха. Только чистое, как утренняя роса, любопытство.

— Вообще нет.

— Так зачем оглядываться? — Дэни весело подпрыгнет на месте. — Знаешь, я ведь никого и никогда не превращал в соляные столбы. Но аналогия хорошая. Когда уходишь из плохого места в хорошее, нет смысла ворошить прошлое. Думай о будущем. Оно у нас теперь длинное. Бесконечное, я бы сказал.

— Точно! — я почувствую, как во мне просыпается тот самый двенадцатилетний пацан, которого я так долго прятал под пиджаком. — А идти-то далеко?

— Так у меня грави-скейт тут за углом! — Дэни азартно прищурится. — Запрыгивай сзади, долетим за пару минут. Только держись крепче, я на поворотах иногда забываю про инерцию!

И напоследок я хочу сказать тебе, мой читатель.

Если в какой-то миг отчаяние станет для тебя непреодолимым, а тьма вокруг покажется непроглядной и вечной... Если ты почувствуешь, что твой «забор» стал слишком высоким, просто закрой глаза и тихо спроси в пустоту:

— Ты здесь?

И поверь мне — он ответит. Возможно, не громом с небес и не письмом в почтовом ящике. Но ты почувствуешь легкое дыхание на своей щеке или

увидишь в окне ту самую звездочку-сердце, за которой он машет тебе из бездны.

Потому что Бог — это просто мальчик. И он очень не любит, когда его друзья грустят.